

Эмилия Бронте

Грозовой

ПЕРЕВАЛ

Эмили Бронте
Грозовой Перевал

«АРДИС»

1847

Бронте Э.

Грозовой Перевал / Э. Бронте — «АРДИС», 1847

«Грозовой Перевал» Эмили Бронте – это погружение в мир, где страсть граничит с безумием, а любовь становится опаснее самой лютой ненависти. Среди мрачных вересковых пустошей Йоркшира разворачивается история двух враждующих родов – Эрншо и Линтонов. В центре вихря судеб – роковая связь Кэтрин и Хитклиффа, чья любовь, словно буря, сметает на своём пути мораль, традиции и человеческие жизни. Это история, от которой невозможно оторваться – она держит в напряжении от первой до последней минуты, заставляя сердце биться чаще от предчувствия неотвратимой трагедии.

© Бронте Э., 1847

© АРДИС, 1847

Содержание

Глава I	5
Глава II	9
Глава III	15
Глава IV	23
Глава V	28
Глава VI	31
Глава VII	35
Глава VIII	42
Глава IX	48
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Эмилия Бронте Грозовой Перевал

Глава I

1801. Я только что вернулся от хозяина, проживающего в уединении по соседству со мной, с которым у меня будет ещё немало проблем. Это поистине прекрасное место! Думаю, во всей Англии я не смог бы нигде устроиться на таком отдалении от всяческой светской суеты. Настоящий рай для мизантропов, а мистер Хитклифф и я – подходящая пара, чтобы разделить такое уединение. Основательный человек! Он даже не мог себе представить, какое расположение я к нему почувствовал, когда увидел, с каким подозрением на меня уставились из-под нахмуренных бровей его глаза, когда я подъехал, и потом, когда его пальцы с вызывающей завистью решимостью спрятались как можно глубже в карманы жилета, когда я назвал своё имя.

– Мистер Хитклифф? – спросил я.

В ответ последовал кивок головы.

– Мистер Локвуд, ваш новый жилец, сэр. Почёл за честь посетить вас сразу же по прибытии и хочу выразить надежду, что не доставил вам большого неудобства своими настойчивыми просьбами поселиться в усадьбе Трашкрос Грандж. Я слышал вчера, что вы высказывали некоторые свои соображения...

– Усадьба Трашкрос Грандж – моя собственность, сэр, – прервал он меня, поморщившись, – и я бы не позволил никому доставлять мне неудобства, коль скоро я могу это предотвратить. Заходите!

«Заходите!» было произнесено сквозь сжатые зубы и с подразумевавшимся «Пошёл к чёрту!». Даже ворота, на которые он навалился, не продемонстрировали своим движением желания стать соучастниками приглашения. Думаю, именно это обстоятельство и побудило меня принять приглашение: я почувствовал интерес к человеку, который, как мне показалось, ещё в большей степени избегал общения, чем я сам.

Когда он увидел, что моя лошадь двинулась вперёд, явно собираясь преодолеть препятствие, он всё-таки вытянул руку, чтобы снять цепь, а затем угрюмо проследовал передо мной по мощёной дорожке. Входя во двор, он крикнул:

– Джозеф, прими лошадь мистера Локвуда, да притеси-ка вина.

«Вот, по-видимому, и весь обслуживающий персонал, – на такую мысль навёл меня его двойной приказ. – Неудивительно, что трава растёт между плитами, а кустарник ограды подстригает только скот».

Джозеф оказался пожилым, нет, старым человеком, возможно, очень старым, хотя крепким и жилистым. «Помоги нам, Господь!» начал он монолог с оттенком сварливого неудовольствия, принимая мою лошадь и глядя тем временем мне в лицо с таким кислым видом, что я по доброте душевной предположил, что божественная милость ему потребовалась, чтобы переварить обед, и его благочестивое словоизвержение не имеет отношения к моему неожиданному приходу.

Грозовой Перевал – это название жилища мистера Хитклиффа. Прилагательное «грозовой» имеет значение для данной местности и описывает катаклизмы, которым это место подвержено в грозовую погоду. Циркуляция воздуха здесь, наверху, должно быть, происходит постоянно. По чрезмерному наклону нескольких низкорослых ёлочек у края дома и по рядам колючего кустарника подагрического вида, вытянувшего свои члены в одном направлении, словно выпрашивая милостыню у солнца, можно догадаться, какова сила северного ветра,

задувающего со всех сторон. К счастью, архитектор это предвидел и возвёл крепкое строение: узкие оконца углублены в стенах, а углы – под защитой больших каменных выступов.

Прежде чем переступить порог, я замер от восхищения перед невероятной резьбой, в изобилии украшающей фасад и в особенности главный вход, над которым, среди запущенных в своём разрушении грифонов и бесстыдных мальчиков, я обнаружил дату «1500» и имя «Гэртон Эрншо». Я бы как-то прокомментировал увиденное и попросил бы немного рассказать об этом месте у моего мрачного хозяина, но, оказавшись у двери, он явно продемонстрировал требование пройти побыстрее внутрь, если и вовсе не убраться отсюда, и у меня не появилось желания усугублять его нетерпение до того, как я осмотрю внутреннее убранство.

Один шаг – и мы оказались прямо в семейной гостиной, которая не предварялась ни вестибюлем, ни коридором, – что, как правило, называется здесь «сам дом». Обычно он включает в себя кухню и зал, но в Грозовом Перевале, как я полагаю, кухню задвинули в другую часть дома; по крайней мере, я различил болтовню и звон кухонных принадлежностей, доносящиеся откуда-то из глубины, и не заметил никаких признаков жарки, варки или выпечки поблизости от огромного камина; да и на стенах не поблёскивали медные кастрюли и жестяные дуршлаки. В одном конце помещения, правда, прекрасно отражали свет и тепло ряды громадных оловянных блюд, перемежавшихся с серебряными кувшинами и большими кружками, выстроившимися ряд за рядом на комоды и возвышавшимися до самой крыши. Эта последняя никогда не подвергалась никакой обработке: вся её анатомия представляла в натуральном виде перед любопытствующим взглядом, за исключением мест, где она скрывалась за деревянными конструкциями с изобилием овсяных лепёшек, связок бараньих, говяжьих и свиных окороков. Над камином располагались разнообразные старые ружья устрашающего вида и пара седельных пистолетов, а в качестве орнамента на выступе стояли три ярко разрисованные жестяные коробки. Пол был из гладкого белого камня, стулья – с высокими спинками, примитивной конструкции, выкрашенные в зелёный цвет; один или два, тяжёлых чёрных, – прятались в тени. В арке под комодом в окружении повизгивающих щенков отдыхала огромная темно-рыжая собака, пойнтер; другие собаки расположились в прочих удобных местах.

И жилище, и мебель не показались бы необычными, принадлежи они какому-нибудь простому фермеру с севера, с упрямым выражением лица и крепкими ножищами, выгодно подчеркнутыми бриджами и гетрами.

Если прийти в подходящее время после обеда, то такого типа индивида, усевшегося в своём кресле с пенящейся кружкой эля на круглом столе перед ним, можно увидеть в любом месте этого округа, простирающегося на пять-шесть миль среди холмов. Однако мистер Хитклифф представлял собой абсолютный контраст своему жилищу и стилю жизни. Внешне он походил на темнокожего цыгана, а по платью и манерам – на джентльмена, то есть, джентльмена такого типа, какими по большей части бывают сельские сквайеры: он довольно неаккуратен, но при этой своей небрежности неплохо выглядит, потому что у него прямая осанка и хорошая фигура, хотя он довольно угрюм. Возможно, кое-кто заподозрил бы в нём некоторую степень гордыни из-за плохого воспитания, но что-то внутри меня подсказывает, что здесь дело другого рода. Я инстинктивно чувствую, что его броня происходит от отвращения к показной демонстрации чувств и от нежелания проявления взаимной симпатии. Он и любить и ненавидеть будет скрытно, и сочтёт за наглость, если его полюбят или возненавидят.

Нет, я забегаю вперёд: чрезмерно либерально наделяю его своими собственными качествами. У мистера Хитклиффа могут быть совсем другие основания, чтобы, пряча руку, избегать рукопожатия при встрече с потенциальным знакомым, а совсем не те, что движут мною.

Позволю себе надеяться, что я человек особенный: моя дорогая матушка имела обыкновение говорить, что у меня никогда не будет уютного дома, и только за последнее лето я отлично доказал, что я такового и не стою.

Наслаждаясь прекрасной погодой во время отдыха на морском побережье, я очутился в компании самого очаровательного в мире создания: в моих глазах это была просто богиня, но только до тех пор, пока она не обратила на меня внимания. Я «никогда не позволял выражать свою любовь словами», однако, если взгляды умеют говорить, любой идиот мог бы догадаться, что я влюблён по уши. В конце концов, она это поняла и одарила меня ответным взглядом – сладчайшим из всех, какие можно себе представить. И что же я сделал? Признаюсь со стыдом: застыл, как лёд, и ушёл в себя, как улитка. При каждом её взгляде я всё больше охладевал и отдалялся, пока, в конце концов, не заставил невинную бедняжку усомниться в моих чувствах. Охваченная смущением из-за допущенной, как ей показалось, ошибки, она уговорила свою мамашу уехать. Из-за такого поворота событий я завоевал себе репутацию человека бессердечного, а насколько это незаслуженно, только я один мог оценить.

Я занял место около очага, напротив того, к которому прошёл мой хозяин, и заполнил паузу в разговоре попыткой погладить мать собачьего семейства, которая оставила своих питомцев и по-волчьи подкрадывалась сзади к моим ногам; губа её поднялась кверху, а по белым зубам, готовым укусить, стекала слюна. Моё поглаживание спровоцировало продолжительное гортанное рычание.

– Лучше оставьте собаку в покое, – проворчал в унисон мистер Хитклиф, подкрепляя слова жёстким действием – ударом ноги. – Она не привыкла, чтобы её баловали, это не домашняя собачка. – Затем, большими шагами пройдя к боковой двери, он снова прокричал: – Джозеф!

Джозеф пробурчал что-то неразборчивое из глубин погреба, но не подал знака, что поднимается, а потому его хозяин сам нырнул к нему вниз, оставив меня с глазу на глаз с задиристой сукой и с парочкой мохнатых овчарок, которые вместе с ней ревностно следили за каждым моим движением.

Не имея желания вступать в контакт с их клыками, я сидел тихо, однако вообразив, что они едва ли смогут понять бессловесное оскорбление, я, на своё несчастье, позволил себе удовольствие подмигивать этой троице и корчить им гримасы. Такие изменения в моём лице настолько разозлили мадам, что она в припадке гнева запрыгнула ко мне на колени. Я оттолкнул её назад и поспешил воздвигнуть между нами преграду в виде стола. Эта процедура подняла весь улей: полдюжины четвероногих злодеев, разных размеров и возрастов, вылезли из своих укромных пещер и собрались в центре. Я почувствовал, что особенно привлекательными для нападения оказались мои каблуки и полы костюма, и, стараясь как можно эффективнее отражать нападающих большего размера с помощью кочерги, вынужден был во весь голос потребовать у кого-нибудь из домохозяиц помощи в восстановлении мира.

Мистер Хитклиф и его человек поднимались по ступенькам погреба с раздражающим хладнокровием. Не думаю, что они двигались на секунду быстрее обычного, и это, несмотря на то, что у очага разразилась настоящая буря с криками и визгом. К счастью, обитатели кухни оказались более расторопными; похотливого вида дама в подоткнутом халате с голыми руками и пылающими огнём щеками ринулась в самую середину, размахивая сковородой. Она использовала это оружие и свой язык столь целенаправленно, что буря утихла, как по волшебству, и, когда хозяин появился на сцене, только вздымалась, как море после сильного ветра.

– Что за чёрт? Что здесь происходит? – спросил он, оглядывая меня в манере, которая стала казаться невыносимой после столь негостеприимного со мной обращения.

– Вот именно, что за чёрт? – пробурчал я. – Стадо одержимых свиней и то ведёт себя лучше, чем ваши звери, сэр. С таким же успехом вы могли бы оставить посетителя с выводком тигров!

– С тем, кто никуда не лезет, они связываться не станут, – заметил он, ставя передо мной бутылку и убирая на место сдвинутый стол. – Собаки и должны быть бдительными. Хотите бокал вина?

– Нет, благодарю.

– Не укусили вас?

– Если бы меня кто укусил, ему бы не поздоровилось.

Лицо Хитклиффа расплылось в усмешке.

– Ну-ну, – проговорил он, – вы разволновались, мистер Локвуд. Выпейте немного вина. Гости – чрезвычайно редкое явление в нашем доме, а потому и я, и мои собаки – а я владею ими по собственной прихоти, – едва ли знают, как их принимать. За ваше здоровье, сэр!

Я поклонился и ответил на тост, начиная склоняться к мысли, что будет глупо с моей стороны сидеть надувшись из-за плохого поведения своры нахальных шавок. Кроме того, у меня не было желания и дальше предоставлять этому человеку возможность потешаться за мой счёт, ибо его юмор принял именно такой оборот. Сам он – вероятно склонившись к благоразумному выводу, что обижать хорошего жильца весьма глупо, – немного расслабился, дойдя до лаконичного стиля, отбрасывая местоимения и вспомогательные глаголы, и стал излагать то, что, по его предположению, могло представлять для меня интерес, а именно, пустился в дискурс о преимуществах и недостатках места нашего уединения.

Я обнаружил, что он очень умён в тех вопросах, которые затрагивал, и, прежде чем уйти домой, дошёл даже до мысли нанести ему завтра ещё один визит по собственному почину. Было очевидно, что он не желал повторения такого вторжения, как сегодня. Но я приду вопреки этому. Удивительно, насколько более общительным почувствовал я себя по сравнению с ним.

Глава II

Вчерашний полдень оказался туманным и холодным. У меня появилось желание провести его в своём кабинете у камина, вместо того чтобы пробираться через грязь и вереск на Грозовой Перевал. Однако закончив обед (необходимо отметить, что обедаю я между двенадцатью и часом, ибо экономка, почтенная дама, взятая как приложение к этому дому, никак не могла, или не хотела понять мою просьбу подавать обед к пяти) и поднимаясь по лестнице с намерением отдаться лени, я вошёл в комнату и увидел, что девушка-служанка стоит на коленях в окружении щёток и ведёрок для угля и, забивая пламя кучами золы, поднимает адскую пыль. Эта сцена заставила меня немедленно ретироваться. Я взял шляпу и, пройдя четыре мили, подошёл в садовым воротам Хитклиффа как раз вовремя, чтобы не оказаться под пушистыми хлопьями снегопада.

Здесь, на холодной вершине холма, черная земля затвердела от мороза, и холод был такой, что я весь дрожал. Отказавшись от попытки снять цепь, я перепрыгнул внутрь и, пробежав по мощёной дорожке с кустами крыжовника по краям, стал стучаться, чтобы меня впустили. Я стучал, пока не завyli собаки а я не отбил себе костяшки пальцев, но всё было тщетно.

– Жалкие обитатели! – мысленно возмущался я, – за такое варварское гостеприимство вы заслужили изоляции от всех живых существ на вечные времена. Я сам, по крайней мере, не стал бы в дневное время держать двери на запоре. Ну и ладно – я всё равно войду!

Преисполнившись решимости, я схватился за задвижку и стал яростно её трясти. Показалось скупившееся лицо Джозефа, высунувшего голову из круглого оконца в сарае.

– Зачем пришли-то? – прокричал он. – Хозяин-то сам в птичнике. Обходи всё во там, по кладке, коль пришёл с ним переговорить.

– А что же, внутри никого нет, чтобы открыть? – отозвался я, намекая на холод.

– Да никого, кроме миссис. Дак она не отворит, хоть ты и до ночи будешь так буяннить.

– Ну почему же? А вы, Джозеф, разве не можете ей сказать, кто я?

– Не... Я – нет! Не моё это дело, – пробормотала голова и исчезла.

Снег пошёл ещё сильнее. Я схватился за ручку, чтобы предпринять новую попытку, но в это время сзади меня во дворе появился молодой человек, без куртки, с вилами за спиной. Он окликнул меня и позвал следовать за ним. Пройдя через прачечную и мощёную площадку с находящимися там сараем для угля, насосом и голубятней, мы, миновав всё это, прибыли в огромное, тёплое и светлое помещение, где меня раньше принимали. Помещение это весело светилось от огромного огня в камине, где горел уголь, торф и древесина, а около стола, накрытого для обильной вечерней трапезы, я имел удовольствие узреть «миссис», о существовании которой я до этого и не подозревал. Я поклонился и ожидал, что она предложит мне сесть. Она посмотрела на меня, отклонилась к спинке своего стула, и осталась сидеть в молчании и неподвижности.

– Ненастная погодка! – заметил я. – Боюсь, миссис Хитклифф, что на двери остались последствия нерадивости вашей прислуги: мне пришлось потрудиться, чтобы быть услышанным.

Она так и не открыла рта. Я не отрываясь смотрел на неё, она – на меня. Как бы там ни было, она не отводила от меня свой взгляд, холодный и безразличный, неприятный и очень меня смущающий.

– Садитесь, – грубо проговорил молодой человек. – Он скоро будет.

Я подчинился; потом слегка откашлялся и позвал злобную Юнону, которая снизошла до того, чтобы при этой нашей повторной встрече пошевелить самым кончиком хвоста в знак признания нашего знакомства.

– Прекрасное животное! – начал я снова. – У вас не было намерения расстаться с малышами, мадам?

– Они не мои, – дружелюбная хозяйка сказала это с такой неприязнью, с какой и сам Хитклифф не смог бы ответить.

– Ах, наверно, у вас есть любимчики среди них? – продолжил я, поворачиваясь к чему-то типа подушки, на которой лежало что-то наподобие кошек.

– Станный выбор любимчиков, – мрачно заметила она.

К несчастью, это оказалась груда дохлых кроликов. Я ещё раз откашлялся и придвинулся ближе к камину, повторив своё замечание по поводу разбушевавшейся погоды.

– Вам не следовало выходить на улицу, – сказала она поднимаясь и пытаясь достать с камина разрисованные жестяные коробки.

Положение, в котором она находилась до этого, скрывало её от света; теперь же я отчётливо увидел всю её фигуру и выражение лица. Она оказалась стройной – очевидно, едва миновала девичество; мелкие черты лица, локоны цвета льна, или даже золотистые, свободно опускались на нежную шею; и глаза, будь у них приветливое выражение, были бы неотразимы, однако, к счастью для чувствительного сердца, единственная эмоция, которая в них отражалась, являла собой смесь презрения и отчаяния – и то, и другое было неестественно в них обнаружить. До жестяных коробок ей было не дотянуться, и я сделал движение, чтобы помочь. Она развернулась ко мне так, как сделал бы скряга, если бы кто-то собрался помочь ему пере считать золото.

– Мне не нужна ваша помощь, – огрызнулась она. – Я и сама их достану.

– Прошу прощения, – поспешил я ответить.

– Вас приглашали на чай? – требовательно спросила она, завязывая фартук поверх аккуратного чёрного платья, и остановилась, держа ложку с заваркой над чайником.

– Я с удовольствием выпил бы чашечку, – ответил я.

– А вас приглашали?

– Нет, – с полуулыбкой заметил я. – Вы бы как раз и могли это сделать.

Она бросила назад чай, ложку и всё остальное, и вернулась к своему унылому положению на стуле. Наморщив лоб, она выпятила алую нижнюю губу – словно ребёнок, который готов расплакаться.

Между тем молодой человек накинул на себя абсолютно потрёпанную верхнюю одежду и, поднявшись во весь рост перед пламенем, взглянул на меня краем глаза сверху вниз с таким видом, словно между нами смертельная вражда или неотмщённая обида.

У меня возникли сомнения: слуга ли он на самом деле? Груба была и его одежда, и речь; они полностью были лишены превосходства, явно выраженного у мистера и миссис Хитклифф. Его густые тёмно-русые кудри были жесткими и неухоженными, щёки заросли бакенбардами, как у медведя, а руки загорели, как у обычного работника. Однако держал он себя свободно, почти высокомерно, и не демонстрировал усердия домашней прислуги в отношении хозяйки дома. За неимением явных доказательств его положения я посчитал, что пока лучше воздержаться и не замечать его странного поведения, а через пять минут появление Хитклиффа в какой-то мере облегчило моё затруднительное положение.

– Как видите, сэр, я пришёл, как и обещал! – воскликнул я с напускной весёлостью, – и боюсь, что теперь около получаса не смогу никуда выбраться из-за этой погоды, если вы сможете предоставить мне на это время укрытие.

– На полчаса? – переспросил он, стряхивая со своей одежды белые хлопья. – Похоже, вы решили побродить в самый разгул снежной бури. А вы не понимаете, что рискуете заблудиться в болотах? Даже люди, знакомые с этой местностью, сбиваются с дороги в такие вечера. И должен вам сказать, что никаких перемен на данный момент не предвидится.

– Может быть, мне удастся найти проводника среди ваших ребят, и он сможет остаться в Грандж до утра. Вы не выделите мне кого-нибудь?

– Нет, я не могу.

– О, ну что ж! Придётся мне полагаться на собственные способности.

– Уф! А чай будет готов? – требовательно проговорил он, обращаясь к тому, что был в потрёпанной куртке и переводя злобный взгляд с меня на молодую леди.

– И *он* тоже будет? – спросила она, обращаясь к Хитклиффу.

– Приготовьте же! Или не ясно? – прозвучало в ответ, причём так свирепо, что я поёжился.

Тон, каким произнесены были эти слова, выдавал натуру поистине злобную. Я более не склонен был называть Хитклиффа основательным человеком. Когда все приготовления были закончены, он пригласил и меня:

– Теперь сэр, придвигайте свой стул.

Мы все, включая и простоватого парня, расселись за круглым столом. Напряженная тишина редко прерывалась замечаниями о еде.

Мне пришло на ум, что, коль скоро я пригнал сюда тучу, то обязан предпринять все усилия, чтобы её развезть. Не могли же они каждый день сидеть с таким мрачным и неприступным видом; да и какими бы скверными характерами они ни обладали, невозможно всё время носить на своём лице выражение вселенской скорби.

– Как это странно, – начал я в паузе после выпитой первой чашкой и полученной второй, – как странно, что традиции могут формировать вкусы и образ мысли: многие даже не могли бы представить себе, что при такой жизни, как ведёте вы, мистер Хитклифф, в полнейшей изоляции от мира, может существовать счастье. Однако я осмелюсь заметить, что вы, в окружении семьи, с вашей любезной леди, чей гений витает и над вашим домом, и в вашем сердце...

– С моей любезной леди! – прервал он меня с почти что дьявольской усмешкой на лице. – И где же она, моя любезная леди?

– Я имею в виду миссис Хитклифф, вашу супругу.

– Ну да... вы думаете, что её дух занял место ангела-покровителя и стережёт богатства Грозового Перевала даже после того, как тело её нас покинуло. Так вы считаете?

Поняв, какую грубую ошибку совершил, я предпринял попытку её исправить. Можно было бы разглядеть, что у них слишком большая разница в возрасте, а потому маловероятно, что они муж и жена. Ему около сорока: это период расцвета внутренней энергии и ума, при котором мужчина едва ли будет тешить себя мыслью, что молодая девица выйдет за него замуж по любви. Такие мечты держат в запасе для утешения в преклонном возрасте. А ей – семнадцать на вид.

И тут меня осенило: «Этот шут рядом со мной, который хлебает чай из блюдца и ест хлеб немытыми руками, может быть её мужем и, конечно же, Хитклиффом младшим. Вот каковы последствия, когда ты решил похоронить себя заживо: она бросилась в объятия этого хама исключительно по той причине, что не имела представления о существовании личностей более приличных! Какая жалость! Мне нужно быть осторожным, чтобы не вызвать у неё сожаления о сделанном выборе».

Последняя мысль может показаться самонадеянной, но это не так. Мой сосед за столом поразил меня своим почти отталкивающим видом. О своей же привлекательности я знал из собственного опыта.

– Миссис Хитклифф – моя невестка, – заявил Хитклифф, подтверждая мой вывод. Он повернулся, когда это говорил, и посмотрел в её направлении. Это был взгляд ненависти, если только не допустить, что мышцы его лица, в отличие от таковых у других людей, не извращали само выражение лица, позволявшее трактовать язык его души.

– Ах, конечно, теперь я вижу: вы счастливый обладатель доброй феи, – заметил я, поворачиваясь к своему соседу.

Это было хуже всего предыдущего: молодой человек покраснел и сжал кулаки с явным намерением на меня наброситься. Но вскоре он совладал с собой и выпустил пар, издав злобное проклятие, выпущенное в мой адрес, на которое я, тем не менее, постарался не обратить внимания.

– Не везёт вам с догадками, сэр, – заметил хозяин. – Ни один из нас не наделён привилегией обладать прекрасной феей: её напарник мёртв. Я же сказал, что она моя невестка, а следовательно, она была в браке с моим сыном.

– А этот молодой человек...

– Конечно же, не мой сын.

Хитклифф вновь улыбнулся, как будто приписывать ему отцовство в отношении этого медведя было слишком смелой шуткой.

– Моё имя Гэртон Эрншо, – прорычал молодой человек, – и мой совет – относиться к нему с уважением!

– Я ни в коей мере не выказал неуважения, – заметил я в ответ, внутри посмеиваясь над тем, с каким достоинством он о себе заявил.

Он не отводил от меня глаз дольше, чем я решился смотреть на него в ответ; я опасался, что поддамся искушению либо надрать ему уши, либо выдать свою весёлость. Я почувствовал, что в этом приятном семейном кругу я явно не на своём месте. Мрачная, удушливая атмосфера этого места не просто лишала меня ощущения физического комфорта, но и подавляла. Я подумал, что прежде чем решиться прийти под этот кров в третий раз, нужно действовать с большей осторожностью.

Седой было покончено, однако никто не произнёс ни слова, чтобы продолжить общение, и я подошёл к окну проверить, что творится с погодой. Грустную картину я увидел: тёмнота ночи надвигалась преждевременно; небо смешалось с холмами в сильном круговороте ветра и не дающего продохнуть снега.

– Не думаю, что мне удастся добраться до дома без проводника, – не удержавшись, воскликнул я. – Дороги уже занесло; но даже если бы они не были под снегом, я едва бы смог что-то разглядеть на шаг впереди себя.

– Гэртон, загони-ка ту дюжину овец под навес сарая. Если оставить их так на ночь, всех заметёт. Да поставь заслонку, чтобы не вышли, – сказал Хитклифф.

– Что же мне делать? – продолжал я с поднимающимся во мне раздражением.

Ответа на мой вопрос не последовало. Оглянувшись, я увидел только Джозефа, который нёс кашу для собак, и склонившуюся над огнём миссис Хитклифф, которая, развлекалась, зажигая спички, упавшие с каминной полки, после того как она водворяла жестяную банку с чаем на своё место. Первый из упомянутых, поставив свою ношу, обвёл критическим взглядом комнату и провозгласил надтреснутым голосом:

– Всё думаю, как это можно здесь бездельничать, да и похуже чего, когда все уж ушли! Да ты-то ноль, никто, и что с тобой говорить... никогда тебе не исправиться, а только к дьяволу тебе дорога, как и матери твоей до тебя!

Я подумал было, что этот образец красноречия относится ко мне и, разъярившись в должной степени, направился к негодю с намерением вышвырнуть его за дверь. Однако миссис Хитклифф опередила меня своим ответом:

– Ты лицемерный старый клеветник! – ответила она. – Не боишься, что улетишь со всеми потрохами, если будешь поминать дьявола? Предупреждаю, попридержи язык и не провоцируй меня, или я попрошу, чтобы тебя забрали в качестве особой для меня любезности. Стой! Посмотри-ка сюда, Джозеф, – продолжала она, беря с полки большую тёмную книгу. – Покажу тебе, как я продвинулась в Черной Магии. Скоро я буду в ней чувствовать себя, как дома.

Рыжая корова издохла не по случайности, да и твой ревматизм едва ли можно причислить к посланным тебе благам!

– Ох, злодейка! Злодейка! – выдохнул старик. – Да убережёт нас Господь от зла!

– Нет, нечестивый! Ты – отверженный. Убирайся, или я задам тебе как следует! Я сделаю фигурки вас всех из воска и глины! И первый, кто перейдёт установленные мною границы... я даже не скажу, что с ним произойдёт... но сами увидите! Пошёл! Я на тебя смотрю!

Маленькая ведьма напустила глумливой злости в свои прекрасные глаза, и Джозеф, задрожав от неподдельного страха, поторопился прочь, молясь на ходу и повторяя: «злодейка». Я подумал, что её поведение было в некотором роде мрачной забавой, и теперь, когда мы остались одни, попытался привлечь её внимание к своему бедственному положению.

– Миссис Хитклифф, – убедительно начал я, – прошу извинить меня за беспокойство. Я осмелился предположить, это из-за вашего лица... я просто уверен, что вы не можете не быть добры сердцем. Укажите мне какие-то путеводные знаки, благодаря которым я смог бы найти дорогу домой. Я не имею больше представления, как туда добраться, равно как имели бы вы, понадобись вам добраться до Лондона!

– Идите той же дорогой, что и пришли, – ответила она, удобно устраиваясь в кресле со свечой и открывая большую книгу. – Совет короткий, но разумнее я ничего не могу подсказать.

– Что ж, если вы услышите, что меня, мёртвого, обнаружили в болоте или засыпанной снегом канаве, совесть не шепнёт вам, что это отчасти ваша вина?

– Отчего это? Я сопровождать вас не могу. Мне не позволено выходить за пределы сада.

– *Вы сама!* Я никогда бы не дошёл до того, чтобы просить вас выйти за порог дома в такой вечер ради моего удобства, – выкрикнул я. – Я хочу, чтобы вы объяснили мне, как идти, а не показывали мне дорогу; или убедили бы мистера Хитклиффа, чтобы он дал мне проводника.

– И кого же? Здесь только он сам, Эрншо, Зилла, Джозеф и я. Кого бы вы хотели взять?

– На ферме нет работников?

– Нет. Я назвала всех.

– То есть, из этого следует, что я буду вынужден здесь остаться.

– Этот вопрос вам придётся улаживать со своим хозяином. Я к этому не имею никакого отношения.

– Надеюсь, это послужит вам уроком: больше не станете бросаться путешествовать по этим холмам, – донёсся суровый голос Хитклиффа от входа в кухню. – А насчёт того, чтобы здесь остаться, так посетителей мне здесь размещать негде: так что, если останетесь, придётся вам разделить ложе с Гэртоном или Джозефом.

– Я могу поспать и на кресле в этой комнате, – ответил я.

– Нет-нет! Чужак он и есть чужак, будь он богат или беден. Это не по мне разрешать кому-то оставаться здесь без моего присмотра, – заявил этот невоспитанный негодяй.

Такое оскорбление положило конец моему терпению. Высказав своё негодование, я прошёл мимо него во двор, натолкнувшись в спешке на Эрншо. Было так темно, что я не видел, где выход, и, обходя всё вокруг, услышал ещё один образчик цивилизованного разговора этих людей друг с другом. Поначалу молодой человек, казалось, готов был принять мою сторону.

– Я пройду с ним до конца парка, – сказал он.

– В ад ты с ним пройдёшь, вот куда! – воскликнул его хозяин, или не хозяин, – уж не знаю, в каких отношениях они там были. – А кто будет следить за лошадьми, а?

– Жизнь человека важнее, чем оставить без присмотра лошадей на один вечер. Кто-то же должен пойти, – миссис Хитклифф произнесла это тихо и добрее, чем я ожидал.

– Тоже мне, раскомандовалась! – отозвался Гэртон. – Если ты так уж его зауважала, то лучше придержи язык.

– Тогда его призрак будет тебя преследовать, а мистер Хитклифф, я надеюсь, никогда больше не найдёт другого жилья, пока Грандж не превратится в руины, – резко ответила она.

– Слушайте, слушайте! Она их проклиняет! ¹ – пробормотал Джозеф, мимо которого я проходил.

Я услышал его бормотание; он сидел недалеко и при свете фонаря доил корову. Я бесцеремонно выхватил у него фонарь и, прокричав, что пришлю его завтра назад, бросился к ближайшему боковому выходу.

– Хозяин, хозяин! Он утащил фонарь! – закричал старик, пустившись за мной в погоню. – Эй, Гнашер! Эй, собаки! Эй, Вулф! Держите его, держите!

Через открытую маленькую дверцу вылетели два огромных лохматых чудовища, и, нацелившись мне на горло, повалили меня на землю. Фонарь потух. Тем временем грубый хохот Хитклиффа и Гэртонa добавили заключительный штрих к сцене моего гнева и унижения.

На моё счастье оказалось, что звери были более склонны поразмять лапы, повыть, да повилиять хвостами, чем проглотить меня заживо. Однако моего воскрешения они бы не пережили, а потому я принуждён был лежать до тех пор, пока мои злобные хозяева не соизволят ко мне подойти.

После этого я без шляпы и дрожа от злости приказал злодеям дать мне выйти – пусть пеняют на себя, если задержат меня ещё хоть на минуту, – и отпустил им в ответ несколько бессвязных угроз, по безграничной своей злобе достойных короля Лира.

Результатом моего перевозбуждения стало обильное кровотечение из носа, но я всё же продолжал браниться, а Хитклифф – смеяться. Не знаю, чем бы закончилась эта сцена, не пояись вовремя один человек, более рациональный, чем я, и более доброжелательный, чем потешавшиеся надо мной. Этим человеком оказалась Зулла, дородная женщина, которая вела хозяйство в доме; она наконец-то вышла и поинтересовалась, отчего весь этот шум. Она подумала, что кто-то из них применил ко мне силу, и, не решившись налететь на хозяина, обратила свою звучную артиллерию против молодого негодника.

– Ну вот, мистер Эрншо, – закричала она, – и что же теперь, снова за своё? Будем теперь убивать человека на пороге своего дома? Вижу я, не ужиться мне здесь. Только посмотрите, бедный парень, да он прямо задыхается! Ну-ну, нельзя вам так уходить. Идём, я вам пособлю. Вот сюда, тихонечко.

Говоря это, она внезапно выплеснула пинту ледяной воды прямо мне на шею и потащила меня на кухню. Мистер Хитклифф последовал за нами; его внезапное веселье быстро сменилось привычной для него мрачностью.

Я чувствовал себя ужасно: появилась сильная слабость и головокружение, что и вынудило меня остаться под этой кровлей на ночь. Хозяин приказал Зилле дать мне стакан бренди и отвести меня во внутреннюю комнату, и она, подчиняясь его приказаниям, выразила соболезнования относительно моего затруднительного положения, благодаря чему я до некоторой степени оправился. Она-то и проводила меня до кровати.

¹ Здесь Джозеф говорит на йоркширском диалекте: Hearken, hearken, shoo's cursing on 'em! (здесь и далее примечания переводчика)

Глава III

Когда мы поднимались вверх, Зилла посоветовала мне спрятать свечу и не создавать шума, ибо у её хозяина имелись странные представления о той комнате, в которой она меня разместит: он всегда против того, чтобы там кто-либо располагался. Я спросил, в чем причина. Она ответила, что не знает, так как прожила здесь всего год или два, а здесь происходило так много странных вещей, что у неё и возможности не было полюбопытствовать.

Сам я, слишком ошеломлённый происходящим, тоже не проявил любопытства, закрыл за собой дверь и огляделся в поисках кровати.

Вся мебель в комнате состояла из комода для белья и большого сооружения из дуба с квадратными вырезами в верхней части, напоминающими окна экипажа. Приблизившись к этому сооружению, я заглянул внутрь и увидел, что это своего рода старомодная кушетка, очень удобно устроенная, чтобы у каждого члена семьи не возникало необходимости в отдельной комнате лично для себя. Фактически, сооружение это образовывало небольшой чуланчик, а выступ у окна служил в качестве стола.

Я отодвинул в стороны обшитые панелями боковые створки, вошёл внутрь со свечой, вновь задвинул створки и почувствовал себя в полной безопасности от бдительного взора Хитклиффа, да и других тоже.

В одном углу выступа, на который я поставил свечу, лежала стопка заплесневевших книг, а весь выступ был покрыт нацарапанными на краске надписями. Однако все эти надписи были ни чем иным, как одними и тем же именем, написанным разного вида буквами – большими и маленькими: *Кэтрин Эрншо*, затем меняющемся на *Кэтрин Хитклифф*, и потом на *Кэтрин Линтон*.

Я с вялым безразличием прислонился головой к окну, продолжая повторять: Кэтрин Эрншо... Хитклифф... Линтон, – пока мои глаза не закрылись. Однако они не отдохнули и пяти минут, как в темноте, столь же явственно, как призраки, начали высвечиваться белые буквы; в воздухе носились рои Кэтрин. Я заставил себя подняться, чтобы отогнать назойливое имя, и обнаружил, что моя свеча склонилась на одну из древних книг, и воздух наполнился запахом жжёной телячьей кожи.

Я поправил свечу и, чувствуя себя плохо под влиянием холода и продолжавшейся тошноты, уселся и разложил перед собой на коленях израненный том. Это было Евангелие, книга не толстая, с отвратительным затхлым запахом. На чистом листе в начале книги была надпись: «Кэтрин Эрншо, её книга» и стояла дата – около четверти века тому назад.

Я захлопнул книгу, потом взял вторую, третью, пока не осмотрел их все. У Кэтрин была отборная библиотека, а ветхое состояние, в котором она находилось, свидетельствовало о том, что книгами часто пользовались, хотя, зачастую, и не с законной целью: трудно было найти главу, избежавшую письменного комментария, или записи, похожей на комментарий, – ими был заполнен каждый клочок свободного пространства. В некоторых случаях это были продолжения к предложениям, в других частях они принимали форму регулярного дневника, нацарапанного неоформившимся детским почерком. Вверху на дополнительной странице оказалась изумившая меня карикатура на моего друга Джозефа, показавшаяся мне настоящим шедевром при первом рассмотрении, – грубовато, но всё же сильно нарисованная. Во мне сразу же вспыхнул интерес к неизвестной Кэтрин, и я тотчас же принялся расшифровывать её выцветшие иероглифы.

«Ужасное воскресенье, – так начинался параграф снизу. – Как бы я хотела, чтобы отец снова был со мной. Хиндли – отвратительная замена, и он жесток с Хитклиффом... Х. и я – мы собираемся устроить бунт... Сегодня вечером сделаем первый решительный шаг.

Весь день шёл проливной дождь. Мы не смогли пойти в церковь, и потому Джозефу пришлось собрать нас на чердаке, и пока Хиндли и его жена удобно устроились в креслах у камина (могу поручиться, что они делали всё, что угодно, кроме чтения Библии), Хитклиффу, мне и ещё одному несчастному мальчику из крестьянских была дана команда взять молитвенники и подняться наверх. Нас посадили в ряд на мешке с кукурузой; мы стонали и дрожали, и надеялись, что Джозеф тоже будет дрожать, и по этой причине, возможно, не продержит нас там долго, и себя ради, устроит нам короткую проповедь. Тщетно надеялись! Служба длилась ровно три часа, и всё же мой брат, увидев, как мы спускаемся, имел наглость заявить: «Что? Уже всё?» Раньше в воскресные вечера нам разрешали играть, если мы не очень шумели; теперь же достаточно было тихонько засмеяться, чтобы нас всех поставили в угол.

«Вы забыли, что здесь есть хозяин, – говорит этот тиран. – Первого же, кто выведет меня из себя, я просто уничтожу. Я требую умеренности во всём и тишины. О чёрт! Это ты сделал? Фрэнсис, оттаской его за волосы, как будешь проходить мимо: я слышал, как он щёлкнул пальцами. За волосы Фрэнсис оттащила от всей души, а потом пошла и уселась к мужу на колени, и так они сидели часами, как два голубка, целуясь и говоря друг другу всякие глупости, – такой болтовни стоило бы постыдиться. Мы устроились поудобнее в арке под туалетным столиком. И стоило мне связать вместе наши фартуки и подвесить их вместо занавески, как вошёл Джозеф, который вернулся после осмотра конюшни. Он сорвал мои занавески, надрал мне уши и прорычал:

– Да только как хозяина похоронили, да суббота ещё не прошла, и проповедь ещё не затихла, а вы уж хулиганите! Постыдитесь! Сядьте, книжки хорошие возьмите, да и почитайте! Сядьте и о душах ваших подумайте!

Говоря это, он заставил нас занять такое положение, чтобы тусклый отсвет огня освещал нам тот хлам, что он нам подсунул. Вынести такое занятие я не могла. Взяв свой выцветший том за застёжку, я швырнула его в собачью конуру и поклялась, что ненавижу эту книгу. Хитклифф забросил свою туда же. Что за шум тогда поднялся!

– Мистер Хиндли! – закричал наш капеллан. – Мистер, идите сюда! Мисс Кэти оторвала корешок от «Шлема спасения», а Хитклифф своей лапой наступил на первую часть «Широкого пути к разрушению»!² И как это вы допускаете, чтобы они и дальше шли таким манером. Эх! Старый-то хозяин выпорол бы их как следует, да его уж нет!

Хиндли поспешно вскочил со своего райского местечка у камина и, схватив Хитклиффа за воротник, а меня за руку, поволок нас обоих в конец кухни, где – в чём нас клятвенно заверил Джозеф – нас достанет «старый Ник», и это так же точно, как то, что мы живы.³ Утешенные таким образом, мы стали, каждый по отдельности, искать свой уголок, чтобы ждать его пришествия.

Я достала с полки эту книжку и банку с чернилами, и распахнула входную дверь, чтобы на меня падал свет, и заняла время тем, что писала, но моему приятелю не терпелось, и он высказал предложение, чтобы мы стащили плащ молочницы и отправились бродить под ним, как под прикрытием, по вересковой пустоши. Соблазнительное предложение; и тогда, если придёт этот сердитый старик, он, может, и вправду поверит, что его пророчество сбылось. А нам под дождём не будет холоднее и хуже, чем здесь».

* * * * *

Думаю, Кэтрин осуществила свой план, так как следующее предложение уже было на другую тему: она заливалась слезами.

² Фраза «широкий путь к разрушению» является метафорой, часто встречающейся в религиозных и философских текстах, особенно в христианстве. Она противопоставляется «узкому пути» или «узким вратам», ведущим к спасению или истине.

³ Старый Ник – неформальный термин, характерный для Британии, обозначающий дьявола или сатану.

«Никогда не думала, что Хиндли заставит меня так плакать, – писала она. – Голова так болит, что не могу оторвать её от подушки, и всё же я не могу об этом не написать. Бедный Хитклифф! Хиндли называл его бродягой и больше не разрешает ему ни сидеть с нами, ни есть с нами вместе. Он ещё говорит, что я не должна с ним вместе играть, и грозит выгнать его из дома, если мы нарушим его запреты. Он обвинял нашего отца (да как он посмел?) в том, что он слишком много позволял Х., и говорит, что поставит его на место...»

* * * * *

Моя голова начала сонно клониться над выцветшей страницей, глаза переходили с печатного текста на письменный. Я видел название в красном орнаменте: «Не до семи раз, но до семижды семидесяти, и первое из семидесяти первых»⁴, «Благочестивые рассуждения преподобного Джебса Брэндерхэма, произнесённые в Джиммерденской церкви». Однако стараясь в полусне заставить себя уразуметь, что имел Джебс Брэндерхэм сказать по данному поводу, я опустил на кровать и окончательно заснул. Увы, вот каков результат плохого чая и плохого характера! Иначе что бы ещё заставило меня провести такую ужасную ночь? С тех пор, как у меня обнаружилась способность к страданию, я не помню такой ночи, которая могла бы сравниться с этой.

Сон начал сниться мне уже до того, как я перестал осознавать, где нахожусь. Мне снилось, что уже утро, и я отправляюсь домой с Джозефом в качестве проводника. На дороге, по которой мы идём, лежит снег глубиной в ярд, мы продвигаемся с трудом, и мой напарник изводит меня постоянными упрёками, что я не принёс посох паломника. Он говорит мне, что без посоха я никогда не смогу добраться до дома и хвастливо размахивает дубиной с тяжёлым набалдашником, которая, как я понимаю, посохом и называется.

В какой-то момент мне кажется абсурдным, что мне необходимо такое оружие, чтобы добраться до места моего проживания. Но потом моё сознание озаряет новая мысль: я иду не туда, а мы проделываем этот путь, чтобы услышать известную проповедь знаменитого Джебса Брэндерхэма, отрывок из «До семижды семидесяти», и что либо Джозеф, либо проповедник, либо я совершил «Первое из семидесяти первых», и мы будем публично разоблачены и отлучены от церкви.

Мы пришли в церковь. Я действительно проходил мимо неё во время прогулок; она располагается в ложбине, между двумя холмами. В этой ложбине есть возвышенное место, рядом с болотом, торфянистая влажность которого отвечает цали бальзамирования немногочисленных трупов, там захороненных. Крыша до сих пор сохранилась в целостности, но так как ежегодное жалованье священника составляет всего двадцать фунтов в год, а на дом его из двух комнат стремительно надвигается угроза сократиться до одной, ни один священнослужитель не хочет брать на себя обязанности пастора, в особенности ещё по той причине, что, судя по последним сообщениям, здешняя паства скорее даст ему умереть с голоду, чем увеличит его доходы, добавив хоть бы и пенни из своего кармана. Однако в моём сне у Джебса была многочисленная и внимательная паства, и он проповедовал... О, Боже! Что это была за проповедь! Она делилась на *четыре*ста *девять*сто частей, каждая из которых равна была обычному обращению с кафедры, и в каждой обсуждался отдельный грех. Где он их столько нашёл, я не могу сказать. У него была особая манера интерпретации фраз, и казалось, что каждый прихожанин должен был согрешить в той или иной манере. Грехи были очень необычного характера: странные проступки, о которых я раньше даже и представления не имел.

О, как же я утомился. Как я терзался, зевал, клевал носом и снова приходил в себя! Как я щипал и колот себя, и тёр глаза, и вставал, и садился вновь, и толкал в бок Джозефа, чтобы он сказал мне, кончится ли это *когда-нибудь*. Мне суждено было прослушать всё. Наконец он дошёл до «*Первого из семидесяти первых*». На этом месте на меня снизошло внезапное

⁴ Здесь строка из Библии, из «Притчи о непрощающем»; Евангелие от Матфея, 18:22.

вдохновение; меня так и подмывало – я поднялся и заявил, что Джебс Брэндерхэм повинен в таком грехе, каковой прощать не обязан ни один христианин.

– Сэр, – воскликнул я, – сидя здесь, в этих четырёх стенах, я за один раз вынес и простил четыреста девяносто частей вашей проповеди. Семьдесятю семь раз я сдёргивал с себя шляпу и готов уже был уйти, и семьдесятю семь раз вы, ничему не сообразно, принуждали меня сесть на место. Четыреста девяносто первая часть – это уж слишком. Братья-мученики, хватайте его! Тащите вниз, сотрите его в прах, так чтобы и духу его не осталось в этих местах!

– *Так этот человек – ты!* – закричал, опершись на подушку, Джебс, после торжественной паузы. Семьдесятю семь раз ты искажал свой образ зевотой, семьдесятю семь раз успокаивал я свою душу: вот она, слабость человеческая, и её тоже можно простить! Но тут дошли мы до Первого из Семидесяти Первых. Братья, приводите приговор в исполнение, как предписано. Все Его праведники удостаиваются такой чести!

После таких заключительных слов все собравшиеся, подняв свои пилигримские посохи, бросились ко мне и окружили кольцом; я же, не имея оружия, чтобы защищаться, попытался завладеть оружием Джозефа, сцепился с ним, так как он был ко мне ближе других и оказался самым свирепым моим противником. Всё слилось в одну кучу, некоторые дубинки скрестились; удары, нацеленные на меня, посыпались на другие головы. Вскоре вся церковь огласилась звуками ударов и контрударов: каждый поднял руку на своего же соседа, а Брэндерхэм, не желая оставаться в стороне, выказывал своё рвение громким стуком, ударяя по доскам кафедры, которые отвечали на этот стук так удачно, что, в конце концов, к моему невыразимому облегчению, разбудили и меня.

И что же это было такое, что вызвало это великое буйство? Кто сыграл роль Джебса? Всего лишь ветка ели, которая при порывах ветра касалась моего окна и билась своими сухими шишками по его створкам! С минуту я прислушивался с недоверием, но, определив нарушителя спокойствия, перевернулся и задремал, и вновь увидел сон, ещё более неприятный, чем раньше.

На этот раз я помнил, что лежу в дубовом чуланчике, и отчётливо слышал и порывистый ветер, и снежную бурю; слышал я также, как ветка ели повторяла свой дразнящий звук, но осознавал его реальную причину. Однако этот звук так сильно меня раздражал, что я решил, если это возможно, утихомирить ветку, и, как мне казалось, я поднялся и попытался открыть оконную створку. Крючок был впаян в скобу: это обстоятельство я заметил, ещё когда не спал, но забыл о нём. «Тем не менее, я должен это прекратить!» – проворчал я, стуча костяшками пальцев по стеклу и вытягивая руку, чтобы схватить назойливую ветку. Однако вместо неё я схватил чью-то маленькую, холодную, как лёд, ручку!

Стутившийся ужас ночного кошмара охватил меня: я пытался высвободить свою руку, но та ручка вцепилась в неё, и раздался наигрустнейший, рыдающий голос:

– Впусти меня... впусти меня!

– Кто ты? – спросил я, сопротивляясь и стараясь высвободиться.

– Кэтрин Линтон, – ответил дрожащий голос. – И почему это я услышал *Линтон*? Я же в двадцать раз больше прочёл *Эрншо*, чем Линтон. – Я пришла домой. Я заблудилась в вересковой пустоши!

Когда звучали эти слова, я смутно различал детское личико, заглядывавшее в окно. Ужас сделал меня жестоким: поняв, что попытки отбросить от себя это существо бесполезны, я притянул его запястье к краю разбитой рамы и начал водить им туда-сюда, пока не полилась кровь и не залила мне всё белье на кровати. Но голос всё продолжал стенать: «Впусти меня!» – и цепкая хватка не ослабевала, отчего я едва не сходил с ума от страха.

– Как я могу вас впустить, – проговорил я наконец. – Отпустите меня сначала, если хотите, чтобы я вас впустил!

Пальцы ослабли, я выдернул свою руку через отверстие в окне и поспешно выложил около него пирамиду из книг и заткнул уши, чтобы до них больше не доходила горестная мольба. Мне показалось, что я зажимал их так четверть часа, однако в тот же миг, как я разжал руки, продолжились прежние горькие стенания!

– Убирайся! – закричал я. – Никогда я не впущу тебя сюда, проси хоть двадцать лет.

– Двадцать лет, – причитал голос, – вот уже двадцать лет, как я бездомная!

При этих словах кто-то стал скрестись снаружи, и груда книг сдвинулась, словно её оттуда подтолкнули.

Я попытался вскочить, но не мог пошевелить ни одним членом, тогда, вне себя от страха, я громко закричал.

К своему ужасу я обнаружил, что крик мой был далеко не из приятных: к двери моей комнаты приблизились быстрые шаги, чья-то сильная рука с размаху распахнула дверь, и через квадратные отверстия над кроватью проник мерцающий свет. Я сел, содрогаясь и вытирая со лба испарину. Вторгшийся, казалось, колебался и что-то бормотал про себя.

Наконец, он проговорил полушёпотом, явно не надеясь на ответ:

– Есть там кто-нибудь?

Я посчитал, что лучше сознаться в том, что здесь, так как узнал голос Хитклиффа и побоялся, что он продолжит поиски, если я не отвечу.

С этим намерением я повернулся и открыл створку. Не скоро я забуду тот эффект, которые произвело моё действие.

Хитклифф стоял около входа, в рубашке и брюках, со свечой, капающей ему на пальцы, и лицо его было таким же белым, как и стена за ним. Скрип дуба подействовал на него как электрический шок: свеча выскочила из его руки и отлетела почти на несколько футов, а смятение его было столь велико, что он с трудом смог поднять свечу.

– Это всего лишь ваш гость, сэр, – отозвался я, желая избавить его от дальнейшего унижения, вызванного проявлением трусости. – Я на беду закричал во сне, всё из-за напугавшего меня кошмара. Сожалею, что я вас потревожил.

– Ох, бес вас попутал, мистер Локвуд! Жаль, что вы вообще... – начал мой гость, устанавливая свечу на стуле, так как понял, что не может её удержать. – Да и кто же проводил вас в эту комнату? – продолжал он, впиваясь ногтями в собственные ладони и стискивая зубы, чтобы подавить судороги. – Так кто же это? Хорошо бы сейчас же вышвырнуть его вон из дома!

– Это служанка Зилла, – ответил я, прыгивая на пол и поспешно оправляя одежду. – И я не буду возражать, если вы это сделаете, мистер Хитклифф. Она ещё как это заслужила. Полагаю, за мой счёт она хотела получить новые доказательства того, что место это часто посещают призраки. Ну да, так оно и есть – просто кишит призраками и гоблинами! У вас есть все основания, чтобы его прикрыть, я вас заверяю. Никто не поблагодарит вас за отдых в таком прибежище!

– Что вы хотите этим сказать? – спросил Хитклифф. Да и что вы вообще делаете? Ложитель и доспите уже ночь, раз уж вы здесь *оказались*. Только, Бога ради, не повторяйте этот ужасный крик. Так кричат только когда перерезают горло.

– Если бы эта маленькая злодейка залезла в окно, она бы, вероятно, меня задушила, – заметил я. – Я не собираюсь вновь выносить преследования ваших гостеприимных предков. Не был ли преподобный Джейбс Брэндерхэм вашим родственником по материнской линии? А эта дерзкая девчонка, Кэтрин Линтон, или Эрншо, или как там ещё её называли, – её, должно быть, принесли феи, эту маленькую злодейку. Она рассказала мне, что вот уже двадцать лет бродит по этой земле. И не сомневаюсь, это ей послано наказание за смертные грехи!

Стоило мне произнести эти слова, как я вспомнил о связи имён Хитклиффа и Кэтрин в той книге, связь, которая полностью ускользнула из моей памяти и только теперь неожиданно

всплыла. Я вспыхнул от собственной опрометчивости, однако не подавая виду, что оскорбительность высказывания дошла до моего сознания, поторопился добавить:

– По правде говоря, сэр, первую часть ночи я провёл (тут я прервал себя на полуслове, так как чуть было не сказал: «изучая эти старые книги», – но тогда это означало бы, что я знаю не только, что там напечатано, но и что там написано, а потому я поправил себя и продолжал), читая нацарапанные на подоконнике имена. Монотонное занятие, и я рассчитывал, что оно нагонит на меня сон, всё равно что счёт или...

– Что это вы себе позволяете, разговаривая *со мной* таким манером! – прокричал Хитклифф с дикарской страстностью. – И как вы *смеете*, под моим кровом?... Боже, он сошёл с ума, если говорит такое! – И он в бешенстве ударил себя по лбу.

Я не знал, осадить ли мне его за грубость или продолжать объясняться, но мне показалось, что он под таким сильным влиянием от случившегося, что я пожалел его и продолжил рассказ о своих снах, уверяя, что никогда ранее не слышал имени «Кэтрин Линтон», но неоднократно его прочтение произвело впечатление. Оно-то и воплотилось в образ, стоило мне утратить контроль над своим воображением. Пока я говорил, Хитклифф постепенно отступал под укрытие над кроватью и, в конце концов, сел так, что оно полностью его закрывало. По его неровному, прерывающемуся дыханию я заключил, что он старается справиться с избытком сильных эмоций. Не желая показывать, что я понял его состояние, я довольно шумно продолжил приводить себя в порядок, потом посмотрел на часы и произнёс монолог о затянувшейся ночи:

– Еще нет и трёх часов! А я готов был поклясться, что уже шесть. Время здесь застывает: не сомневаюсь, что мы вчера разошлись на отдых в восемь!»

– Зимой всегда идём спать в девять, а встаём в четыре, – сказал хозяин, подавив стон, и, как я заключил по его тени, движением руки смахнул слёзы с глаз. – Мистер Локвуд, – добавил он, – вы можете идти в мою комнату; если сойдёте вниз так рано, только всех переполошите. А с меня ваш ребяческий крик согнал весь сон к чёртовой матери.

– Да и с меня тоже, – ответил я. – Я похожу по саду, пока не рассветёт, и тогда уйду. А вам не придётся страшиться повторения подобного вторжения. Я вполне излечился от желания искать удовольствие в чьём-либо обществе, будь то в городе или в сельской местности. Разумному человеку довольно собственной компании.

– Прекрасная у вас компания! – пробормотал Хитклифф. – Берите свечу и идите, куда пожелаете. Я к вам сейчас присоединюсь. Однако держитесь подальше от двора: собаки не на цепи. Да и в доме... Юнона там всегда на страже, – так что вы можете только побродить по лестницам и коридорам. Но хватит, уходите! Я приду через две минуты!

Я подчинился, но только в одном: вышел из комнаты и остался тихо стоять, так как не знал, куда ведут эти узкие проходы. И тогда-то я стал невольным свидетелем одного из суеверий своего хозяина, что не вязалось с его очевидным здравым образом мыслей. Он забрался на кровать, рывком распахнул окно и, не в силах сдерживать себя, залился слезами. «Приди ко мне! Приди ко мне! – взывал он, рыдая. – Приди же, Кэти! Ох, ну приди хоть ещё разок! О, сокровище сердца моего! Услышь меня хоть на этот раз, Кэтрин!». Призрак продемонстрировал свойственное призракам непостоянство: не подал никаких признаков своего существования; только ветер и метель, завывая, ворвались внутрь, проникли даже туда, где я стоял, и задули свечу.

В этом водовороте горя, сопровождавшем его стенания, было столько страдания, что сочувствие заставило меня признать ошибку, которую я совершил, оставшись здесь. Я удалился, злой на себя за то, что всё услышал, и раздосадованный, ибо связанный с этим мой глупый ночной кошмар стал причиной таких страданий, хотя причина их и была вне моего понимания.

Я осторожно спустился по лестнице и остановился в расположенной в задней части дома кухне, где в отблесках огня сгреб в общую кучку непотухшие угли, что позволило мне заново зажечь свечу. Ничто не шевелилось, кроме полосатого серого кота, который вылез из золы и приветствовал меня недовольным мяуканьем.

Две скамьи полукруглой формы окружали почти весь камин; я растянулся на одной из них, а Котофеич взобрался на другую. Прежде чем кто-либо нарушил наше уединение, мы оба начали клевать носом, но потом этим нарушителем оказался Джозеф, который зашаркал нагами по деревянной лестнице, уходящей через люк на крышу, – думаю, это был выход на чердак. Он бросил злобный взгляд на небольшое пламя, которому я позволил разыграться в очаге, прогнал кота с его возвышения, и, водрузив на свободное место собственную персону, приступил к процедуре набивания табаком трёхдюймовой трубки. Мое присутствие в его святилище, очевидно, оценивалось как явление слишком постыдное, чтобы его отмечать. Не говоря ни слова, он раскурил трубку и, скрестив руки на груди, стал ею попыхивать. Я дал ему спокойно насладиться такой роскошью. Выпустив последнее кольцо дыма и сделав глубокий вздох, он поднялся и удалился так же торжественно, как и пришёл.

Затем порог был преодолен с более упругой поступью, и я уж было открыл рот, чтобы сказать «доброе утро», но тут же закрыл его снова, на издав приветствия, так как свою утреннюю молитву *sotto voce*⁵ произнёс Гэртон Эрншо: он разразился серией проклятий, направленных против каждого предмета, до которого дотрагивался, пока рылся в углу, отыскивая лопату или совок, чтобы расчистить заносы. Он бросил на меня взгляд через спинку скамьи и раздул ноздри, однако мысль обменяться со мной парой слов не пришла ему в голову ровно так же, как идея поприветствовать кота. Из его приготовлений я заключил, что выход разрешён, и, оставив мою жётскую скамью, сделал движение, готовый последовать за ним. Он это заметил, и ткнул концом лопаты в другую, внутреннюю дверь, подтверждая невоспроизводимым звуком, что именно туда я должен пойти, если намерен изменить своё местоположение.

Открыв эту дверь, я увидел, что женщины уже на ногах: Зилла с помощью огромных воздуходувных мехов раздувала огонь в печи, а миссис Хитклифф, стоя на коленях у очага, в отсветах огня читала книгу. Она заслоняла глаза рукой от жара печи и, казалось, поглощена была своим занятием, отрываясь от него только чтобы пожурить служанку, когда та посыпала её градом искр, или чтобы отогнать собаку, которая время от времени слишком настойчиво совала нос ей в лицо. К своему удивлению, я увидел там и Хитклиффа. Он стоял у огня, ко мне спиной, только что закончив грозную сцену с Зиллой. Эта последняя то и дело прерывала свою работу и, схватившись за край фартука, с негодованием кряхтела.

– А ты, ничемная... – выкрикнул он, повернувшись к невестке, когда я вошёл. Он использовал слово довольно безобидное, типа утка или овца, но обычно вместо него ставят многоточие. – Опять ты со своими штучками! Остальные-то все свой хлеб зарабатывают, только ты живешь из милости! Убери свой хлам и найди, чем заняться. Ты ещё заплатишь мне за это несчастье постоянно иметь тебя перед глазами. Слышишь меня, проклятая негодница?

– Я уберу свой хлам, потому что вы всё равно меня заставите, если я откажусь, – ответила молодая леди, закрывая книгу и бросая её на стул. – Но делать я ничего не стану, кроме того, что захочу, даже если у вас язык отсохнет из-за проклятий!

Хитклифф поднял руку, и говорившая, видимо, знакомая с весом этой руки, отпрыгнула на безопасную дистанцию. Не имея желаний развлекаться, наблюдая эту схватку кошки с собакой, я поспешно выступил вперёд, как будто очень хотел согреться от очага, и не показывая, что знаю, какой спор я прервал. Каждый из них нашёл способ удержаться от дальнейших выпадов: Хитклифф засунул кулаки в карманы – подальше от соблазна; миссис Хитклифф скривила губы и, отойдя, уселась на сиденье подальше, где сдержала своё слово, разыгрывая из себя роль

⁵ *sotto voce* (итал.) – вполголоса

статуи всё то время, пока я там оставался. А это продлилось недолго. Я отклонил их предложение разделить с ними завтрак и с первым проблеском рассвета воспользовался возможностью сбежать на свежий воздух, теперь чистый и спокойный, и холодный, как неосязаемый лёд.

Но только я дошёл до конца сада, как хозяин окликнул меня, приказав остановиться, и предложил проводить меня через вересковую пустошь. Хорошо, что он это сделал, так как весь склон холма являл собой волнистый белый океан; его подъёмы и впадины не указывали на соответственные позвышения и углубления на земле: многие ямы были заполнены снегом до краёв, и вся череда холмов, как и отмеченные мной углубления, стёрлись с той картины, которую я вчера по пути сюда запечатлел в своём сознании. Тогда я отметил на одной стороне дороги череду прямостоящих камней, продолжающуюся по всей длине пустоши: они были поставлены и обмазаны известью, чтобы служить указателем в темноте, а также во время снегопада, как сегодняшний, который смешивает всё под одно – и глубокие болота с двух сторон, и твёрдую тропу. Однако кроме грязных точек, показывающихся то здесь, то там, все следы существования этих вех исчезли, по причине чего мой компаньон считал необходимым часто предупреждать меня, направляя то направо, то налево, и делал это, когда мне казалось, что я верно следую по извилинам дороги.

Мы редко обменивались словами, и у входа в парк Трашкрос Грандж он остановился и сказал, что дальше я не заблужусь. На прощание мы лишь торопливо раскланялись, а затем я рванулся вперёд, полагаясь на собственные ресурсы, ибо в доме превратника ещё не было жильцов. Расстояние от ворот до особняка две мили; мне же, блуждающему среди деревьев и проваливающемуся по шею в снегу, удалось увеличить его до четырёх; оценить эти трудности может только тот, кто сам попадал в такое положение. В любом случае, каковы бы ни были мои блуждания, часы пробили двенадцать, и я вошёл в дом, а это указало, что на каждую милю обычного пути от Грозового Перевала я потратил ровно час.

Экономка и её спутники бросились меня приветствовать, громко крича, что они уж совсем отчаялись: они пришли к заключению, что я погиб прошлой ночью, и думали, как им теперь отправиться на поиск моих останков. Я попросил их успокоиться, ведь теперь они увидели, что я вернулся, и, промерзший до самых костей, потащился наверх. Переодевшись в сухую одежду и походив взад-вперёд минут тридцать-сорок, я разогрелся естественным образом, и, слабый как котёнок, спустился в кабинет. Видимо, я был слишком слаб, чтобы получать удовольствие от весёлого огня и дымящегося кофе, который служанка приготовила для моего восстановления.

Глава IV

Все мы держим нос по ветру! Даже я, тот, у кого было намерение оставаться независимым от всяких социальных контактов и кто благодарил звёзды за то, что они осветили мне место, где таковые были почти что неосуществимы, даже я, слабый негодник, поборовшись до сумерек с упадком духа и одиночеством, в конце концов был принуждён спустить свои знамёна и под предлогом получения информации, необходимой для моего здесь пребывания, попросить миссис Дин, которая принесла мне ужин, посидеть со мной, пока я ем. Я искренне надеялся, что она, как и бывает в таких случаях, будет пересказывать обычные сплетни и либо вызовет у меня интерес, либо вгонит меня в сон своими рассказами.

– Вы здесь прожили значительную часть времени, – начал я. – Вы говорили, кажется, лет шестнадцать?

– Восемнадцать, сэр. Я приехала сюда, когда госпожа вышла замуж, чтобы ей прислуживать, а после того, как она умерла, хозяин оставил меня в качестве экономки.

– Надо же!

Последовала пауза. Я начал опасаться, что она вовсе не сплетница, и готова рассказывать только о своих собственных делах, которые мало меня интересовали. Однако оценив ситуацию, она, уперев кулачки в колени, с туманом задумчивости на румянном лице изрекла:

– Ах, с тех пор всё так изменилось!

– Да, – заметил я. – Полагаю, вы видели много перемен?

– Да, и бед тоже много повидала, – сказала она.

«Вот, теперь я переведу разговор на семью моего хозяина, – подумал я про себя. – Подходящее начало! И эта милая девушка-вдова, хотелось бы мне узнать её историю: отсюда ли она или, что более вероятно, уроженка из дальних мест, которую *indigenae* не признают за свою.⁶ С таким намерением я спросил миссис Дин, почему Хитклифф сдает Трашкросс Грандж и предпочитает жить в таких условиях и в таком месте, которые намного хуже, чем здесь.

– Он что, не настолько богат, чтобы поддерживать поместье в хорошем состоянии? – поинтересовался я.

– Он богат, сэр, – возразила она. – Денег у него полно, хоть и никто не знает сколько, да каждый год их всё больше. Да-да, он настолько богат, что мог бы жить в доме гораздо лучше этого, но он доволен... скуповат, что ли. А даже если бы он и переселился в Трашкросс Грандж, стоит ему услышать, что есть хороший жилец, он уж так устроен, что не упустил бы шанса получить ещё несколько сотен. Странно, какими жадными бывают люди, если у них никого нет на всём свете!

– Но у него, кажется, был сын?

– Да, был сын. Но умер.

– А эта молодая леди, миссис Хитклифф, его вдова?

– Да.

– Откуда она родом?

– Ах, сэр, она дочь моего покойного хозяина. Её девичье имя – Кэтрин Линтон. Я нянчила её, бедняжку! Как бы мне хотелось, чтобы мистер Хитклифф сюда переехал, и мы тогда снова смогли бы быть вместе.

– Что? Кэтрин Линтон? – воскликнул я в изумлении. Однако после минутного раздумья я понял, что это не могла быть Кэтрин, явившаяся мне в виде призрака. – Так значит, – заключил я, – имя моего предшественника было Линтон?

– Да.

⁶ *Indigenae* (лат.) – коренные жители

– А кто же этот Эрншо? Гэртон Эрншо, который живёт с мистером Хитклиффом? Они родственники?

– Нет. Он племянник покойной миссис Линтон.

– Значит, кузен молодой леди?

– Да, и её муж тоже был её кузеном. Один со стороны матери, другой со стороны отца. Хитклифф был женат на сестре мистера Линтона.

– Я видел, что на Грозовом Перевале над входной дверью вырезано «Эрншо». Это старинный род?

– Очень старинный, сэр. И Гэртон – последний из них, так же, как мисс Кэти – из нас, я имею в виду Линтонов. Вы были на Грозовом Перевале? Простите, что спрашиваю, но мне бы хотелось услышать, как она там!

– Миссис Хитклифф? Выглядит очень хорошо, очень мила. Хотя не думаю, что очень счастлива.

– О, Боже, и не удивительно! А как вам понравился хозяин?

– Довольно резкий человек, миссис Дин. Разве не так?

– Резкий, как острие пилы, и твёрдый, как камень. Чем меньше с ним связываться, тем лучше.

– Должно быть, в жизни у него были всякие передраги, что он стал таким скрягой. Вы знаете что-нибудь из истории его жизни?

– Да он ненормальный, сэр... а я знаю о нём всё. Не знаю только, где он родился и кто его родители, и откуда он взял деньги в самом начале. А Гэртона выбросили как неоперившегося птенца! Несчастный парень, единственный во всей округе, кто не догадывается, как его обманули.

– Что ж, миссис Дин, вы сделаете доброе дело, если расскажете мне кое-что о моих соседях: я чувствую, что не успокоюсь, если пойду так спать. Уж будьте так любезны, посидите со мной часок и поговорите.

– О, сэр, конечно! Я только принесу своё шитьё, а потом останусь здесь так долго, как вы только пожелаете. Однако вы простудились: я вижу, как вы дрожите. Вам нужно поесть немного горячей овсянки, чтобы прогнать озноб.

Достойная женщина торопливо вышла, а я подсел ближе к огню; голова моя горела, а всё тело бил озноб. Кроме того, я был перевозбуждён, на пике нервного напряжения совсем плохо соображал. По этой причине я испытывал не то чтобы неудобство, но некоторое опасение (оно не прошло и сейчас) из-за событий дня сегодняшнего и вчерашнего.

Миссис Дин вскоре вернулась с дымящейся миской и корзинкой с шитьём, и, поставив первую на камин, придвинула своё кресло, явно довольная, что я столь общителен.

* * * *

Перед тем, как я приехала жить сюда, – начала она, не ожидая приглашения, – я почти всегда жила на Грозовом Перевале. Это потому, что моя мать нянчила мистера Хиндли Эрншо, который был отцом Гэртона, и я привыкла играть вместе с детьми. К тому же я исполняла разные поручения, помогала заготавливать сено и ходила по ферме, готовая сделать всё, о чем бы меня ни попросили.

Одним прекрасным летним утром – это было время начала жатвы, как я помню, – мистер Эрншо, старый хозяин, спустился вниз, одетый для путешествия. Объяснив Джозефу, что нужно сделать за день, он обернулся к Хиндли, Кэт и ко мне (потому что я сидела вместе с ними и ела овсяную кашу) и сказал: «Ну что, мой красавец, я сегодня отправляюсь в Ливерпуль. Что тебе принести? Можешь выбрать, что хочешь – только небольшое, так как я иду пешком туда и обратно, шестьдесят миль в каждый конец, – путь не близкий!». Хиндли попросил скрипку, а потом он спросил мисс Кэт – ей тогда едва шесть лет исполнилось, но она могла ездить верхом

на любой лошади из конюшни, – и она выбрала кнут. Меня он тоже не забыл, ибо сердце у него было доброе, хотя временами он и бывал суров. Он пообещал принести мне полный карман яблок и груш, а потом поцеловал детей, попрощался и отправился в путь.

Три дня его отсутствия показались нам очень долгим сроком, и маленькая Кэти всё время спрашивала, когда же он вернётся домой. Миссис Эрншо ожидала его к ужину на третий день, и ужин час за часом откладывали, а он всё не появлялся, так что дети уж устали выбегать к воротам и смотреть. Потом стемнело, и пора было бы уложить детей спать, но они грустно упрашивали, чтобы им разрешили не ложиться. И вот, часов около одиннадцати, задвигая тихонько поднялась, и зашёл хозяин. Смеясь и охая, он упал в кресло и приказал им всем отойти, потому что был он едва жив, – больше такой путь он не проделал бы и за три королевства.

– Да хоть бы меня и исхлестали до смерти – всё одно бы не пошёл! – добавил он, открывая своё пальто, которое держал смотанным в руках. – Смотри, жена! За всю свою жизнь, никогда такого со мной не случилось; а всё ж ты должна принять его как дар Божий, хоть он и чёрен, словно послан дьяволом.

Мы все встали вокруг него, и я, заглянув через голову Кэти, увидела грязного черноволосого ребёнка в лохмотьях. Он был достаточно взрослым, чтобы ходить и говорить, ибо, судя по лицу, выглядел старше Кэти. Однако когда его поставили на ноги, он только смотрел по сторонам и всё повторял какую-то тарабарщину, которую никто не мог разобрать.

Я была напугана, а миссис Эрншо готова была выбросить его за дверь: она и вправду взвилась, спрашивая мужа, как мог он принести в дом этого цыганёнка, когда у них есть собственные дети, которых надо кормить и оберегать. И что он сабится с ним делать? Уж не сошёл ли он с ума? Хозяин старался объяснить, что произошло, но, будучи полумёртвым от усталости, он, среди брани жены, мог только рассказать, как увидел этого голодного бездомного ребёнка, который ничего не соображал, на улицах Ливерпуля, как он подобрал его и стал расспрашивать, чей он. Ни одна живая душа не знала, откуда он и чей, а так как наш хозяин был ограничен и во времени, и в деньгах, то он подумал, что будет лучше взять ребёнка домой, чем пускаться в напрасные расходы там, на месте, ибо он имел твёрдое намерение не оставлять мальчика в таком состоянии, в каком нашёл. В заключение моя хозяйка поворчала и успокоилась, а мистер Эрншо велел мне помыть малыша, дать ему чистую одежду и разрешить спать вместе с детьми.

Пока мир не восстановился, Хиндли и Кэти удовлетворялись тем, что смотрели и слушали; затем оба начали обыскивать отца в поисках подарков, которые он им обещал. Хиндли был четырнадцатилетним мальчиком, но, вытащив из огромного пальто отца то, что раньше было скрипкой, а теперь разбито в щепки, разрыдался во весь голос. Кэти же, когда узнала, что хозяин потерял её кнут в заботах о незнакомце, выразила своё отношение скорчив морду и плюнув на малыша, чем заслужила порицание и звонкий шлепок отца, обучавшего её хорошим манерам. Дети наотрез отказались пустить его в свою кровать и даже в свою комнату; да и у меня оказалось не больше здравого смысла: я уложила его на лестничной площадке, надеясь, что он на завтра, может, и уйдёт в пустошь. То ли по случайности, то ли привлечённый голодом хозяина, он подполз к двери мистера Эрншо, и был там обнаружен последним, когда тот выходил из комнаты. Был произведён допрос, каким это образом мальчик там оказался, и я вынуждена была признаться, в результате чего за свою трусость и отсутствие гуманности была выслана из дома.

Таково было первое появление Хитклиффа в семье. Вернувшись назад через несколько дней (так как я не сочла моё изгнание постоянным), я обнаружила, что мальчика окрестили Хитклиффом. Это было имя их сына, который умер в детском возрасте, и с тех пор это имя закрепилось за ним и как имя, и как фамилия. Мисс Кэти теперь с ним очень сдружилась, но Хиндли его ненавидел, и я, сказать по правде, – тоже. Мы досаждали ему и поступали с

ним отвратительно, ибо я тогда была ещё недостаточно рассудительна, а хозяйка никогда не заступалась за него, если видела, что он поступает неправильно.

Мальчик оказался угрюмым терпеливым ребёнком, возможно, из-за плохого с ним обращения. Он выносил удары Хиндли не моргнув глазом и не проронив слезинки, а из-за моих щипков он только задерживал дыхание и широко открывал глаза, словно он сам случайно ударился, и в этом никто не виноват. Когда Эрншо старший узнал, что приходится выносить бедному лишённому отца ребёнку (так он его называл), и что виной тому его сын, он пришёл в ярость.

Хозяин странным образом привязался к Хитклиффу и верил всему, что тот говорил (надо признать, говорил он мало, но обычно, правду), и баловал его больше чем Кэти, которая была слишком непослушной и своенравной для любимицы.

Так что с самого начала появления Хитклиффа в доме возникла тяжёлая атмосфера, и после смерти миссис Эрншо, которая случилась менее чем через два года после этого, молодой хозяин стал считать своего отца в большей степени притеснителем, чем другом, а в Хитклиффе видеть узурпатора родительной привязанности и собственных привилегий. И рос он с горькими мыслями об этих обидах. Какое-то время я его жалела, но когда дети заболели корью и я должна была за ними ухаживать, и на меня сразу же свалились все женские заботы, – я переменила своё мнение.

Хитклифф был опасно болен, и когда он был совсем плох, я постоянно находилась у его изголовья. Полагаю, он чувствовал, что я делаю для него доброе дело, но не мог сообразить, что я вынуждена это делать. Тем не менее я должна признать, что он был самым спокойным ребёнком, за каким ни одной сиделке не доводилось ухаживать. Разница между ним и другими детьми заставила меня относиться к нему менее пристрастно. Кэти и её брат изводили меня ужасно, Хитклифф же был безропотный, как агнец, хотя столь мало хлопот он причинял не по доброте, а из-за твёрдости характера.

Хитклифф поправился, и врач заявил, что произошло это в значительной степени благодаря мне, и похвалил меня за заботу. Его похвалы были мне приятны, и я смягчилась к человеку, благодаря которому их заслужила, а Хиндли потерял в моём лице союзника. И всё же полюбить Хитклиффа я не могла и частенько пыталась понять, что же такое увидел мой хозяин в этом угрюмом мальчике, чтобы так им восхищаться.

Насколько мне помнится, Хитклифф никогда не выказывал никаких признаков благодарности за снисходительность хозяина. Он не то чтобы был высокомерен по отношению к своему покровителю, он был просто бесчувственен, хоть и прекрасно понимал, какую власть имеет над сердцем хозяина, и знал, что стоит ему только сказать слово, и весь дом вынужден будет подчиниться его желаниям.

Я, например, помню, что как-то раз мистер Эрншо купил пару жеребцов на местной ярмарке и отдал каждому из ребят по жеребёнку. Хитклифф взял себе самого красивого, но тот скоро начал хромать, и когда он это заметил, то сказал Хиндли:

– Ты должен поменяться мо мной лошадьми: моя мне не нравится; а если ты этого не сделаешь, то я расскажу о том, что ты меня три раза поколотил на прошлой неделе, и покажу ему руку – она вся черная, до плеча.

Хиндли показал ему язык и слегка ударил его в ухо.

– Лучше будет, если ты это сразу сделаешь, – настаивал он, убежав к крыльцу (они разговаривали в конюшне), потому что тебе так и так придётся. Если я расскажу об твоих ударах, ты получишь такие же в ответ, да ещё и добавят.

– Прочь отсюда, пёс! – закричал Хиндли, угрожая ему железным грузом, который использовали для взвешивания картошки и сена.

– Брось это, – стоя спокойно ответил Хитклифф. – А тогда я расскажу, как ты хвастал, что выставишь меня за двери, как только он умрёт, и посмотрим, не выставит ли он тебя именно туда.

Хиндли бросил груз и ударил противника в грудь; тот упал, но сразу же поднялся. Поблевший и задыхающийся, он, если бы я его не остановила, сразу же бросился бы к хозяину и отомстил бы за себя сполна, продемонстрировав своё состояние и поведав, кто в этом повинен.

– Что же, бери моего жеребёнка, цыган! – сказал молодой Эрншо. – А я буду молиться, чтобы он сломал тебе шею. Бери и будь проклят, жалкий проходимец! Вымани у моего отца всё, что он имеет, и только тогда ты покажешь ему, кто ты есть на самом деле, прислужник сатаны! Бери его, надеюсь, он выбьет тебе мозги!

Хитклифф сходил отвязать жеребёнка и потом повёл его в своё стойло. Он как раз шёл сзади лошади, когда Хиндли закончил свою речь, сбил его с ног и, даже не остановившись посмотреть, сбылись ли его надежды, убежал со всех ног. Я была удивлена, как это мальчик поднялся, пришёл в себя и пошёл выполнять свои намерения: менять сёдла и всё остальное. Потом он сел на связку сена чтобы преодолеть приступ дурноты, вызванный сильным ударом, и только после этого вошёл в дом. Я запросто убедила его согласиться, чтобы я рассказала, будто вина за его синяки лежит на лошадке: после того, как он получил, что хотел, ему было неважно, какие сказки я расскажу.

Он, и правда, жаловался так редко из-за подобных случаев, что я на самом деле подумала, будто он не мстительный. Когда вы услышите, что было дальше, поймёте, как я заблуждалась.

Глава V

С течением времени мистер Эрншо начал выходить из строя. До этого он был деятельным и здоровым, но внезапно силы его покинули. Оказавшись прикованным к углу возле камина, он стал ужасно раздражителен. Любая мелочь выводила его из себя, а подозрение на пренебрежительное отношение к его авторитету вызывало припадки гнева. Часто это проявлялось, если кто-нибудь пытался наступать не его любимчика или брать над ним верх. Особенно болезненно он реагировал, если в его адрес было сказано дурное слово; казалось, он вбил себе в голову мысль, будто из-за того, что он сам так любит Хитклиффа, все остальные его ненавидят и стремятся всё обернуть против него. От этого пареньку было только хуже, так как те из нас, кто добрее, старались не раздражать хозяина, а потому ублажали его, потакая его причудам. Такое отношение с нашей стороны стало богатой питательной почвой для развития у ребёнка гордыни и дурного нрава. Однако в каком-то смысле это было необходимо; дважды или трижды продемонстрированное Хиндли в присутствии отца пренебрежение вызывало у старика приступы гнева; он хватал палку, чтобы его ударить, и трясся от ярости, что не может этого сделать.

В конце концов, наш священник (у нас тогда был священник, который зарабатывал себе на жизнь тем, что учил маленьких Линтонов и Эрншо, и сам обрабатывал свой клочок земли) посоветовал отправить молодого человека в колледж. Мистер Эрншо согласился, но с тяжестью на сердце, ибо заявил: «Дело пустое, из Хиндли ничего не выйдет, куда его ни отправляй».

Я от всего сердца надеялась, что теперь у нас наступит мир. Мне больно было думать, что хозяин будет чувствовать себя плохо из-за своего же доброго поступка. Я вообразила себе, что его возрастное недовольство всем и его болезнь появились из-за семейных разногласий, да он и сам так считал. Однако на самом деле, сэр, причиной было его физическое угасание. Мы должны были относиться к этому с терпимостью, но это не было очевидным для двух людей: для мисс Кэти и Джозефа, его слуги, – думаю, вы там его встречали. Он был – да, похоже, таким же и остался, – самым занудным и самодовольным фарисеем, какой когда-либо рылся в Библии лишь для того, чтобы найти оправдание себе и повод проклиная соседей. Ловко обращаясь к воспоминаниям и благочестивым рассуждениям, он придумывал, как произвести сильное впечатление на мистера Эрншо, и чем слабее становился хозяин, тем больше попадал он под его влияние. Джозеф неустанно вселял в хозяина беспокойство, убеждая его заботиться о душе и держать детей в строгости. Он внушал ему, что Хиндли безнравственный; он вечер за вечером выливал на хозяина длинный поток ворчливых рассказов, направленных против Хитклиффа и Кэтрин, всегда находя способ подольститься к хозяину и возлагая на последних груз вины за его немощь.

Кэтрин, конечно же, вытворяла такое, чего никогда я раньше не видела, чтоб так делал кто из детей. И она нас выводила из терпения пятьдесят раз в день, а то и чаще. С того момента, как она спускалась вниз, и до того часу, как шла в кровать, у нас не было ни минуты покоя из-за её проказ. Её настроение всегда было на подъёме; язык её работал без устали – она пела, смеялась, надоедала каждому, кто не делал то же, что и она. Диким, колючим росточком она была, зато её глазки были самыми красивыми, улыбка самой сладкой, и ножка самой лёгкой в приходе. И главное, я убеждена, что она никому не желала зла. Бывало, если уж и доведёт вас ненароком до слёз, так не отстанет от вас, пока вы не успокоитесь, а тем самым и её утешите. Хитклиффа она слишком уж любила. Самым большим наказанием, которое мы могли для неё придумать, это развести их в разные концы. И всё-таки ей из-за него попадало больше, чем всем нам. В игре ей нравилось изображать из себя маленькую хозяйку, давать волю рукам, командовать всеми остальными; она и со мной так поступала, да я не терпела шлепков и приказов и давала ей знать об этом.

Так вот, мистер Эрншо не понимал шутки своих детей: он всегда был с ними строг и серьезен. Катрин, со своей стороны, никак не могла понять, почему её отец в его теперешнем, болезненном состоянии стал более злым и менее терпеливым, чем раньше. Она с озорным удовольствием провоцировала его на сварливые упрёки. Больше всего ей нравилось, когда мы все вместе начинали её отчитывать, а она дерзила нам со смелым, наглым видом, не стесняясь в выражениях, доводя религиозные проклятия Джозефа до абсурда, изводя меня и делая то, что больше всего не выносил её отец: демонстрировала, что она, со своим притворным наглым высокомерием (которого на самом деле в ней не было) имеет больше власти над Хитклиффом, чем он, со своей добротой; как мальчик выполняет все её приказания без разбора, а *его* указания – только когда сам того пожелает. После самого что ни на есть плохого поведения в течение дня она иногда пыталась вечером приласкаться к отцу. «Нет, Кэти, – обычно отвечал старик. – Не могу я тебя любить. Ты хуже, чем твой брат. Иди и почитай молитву, детка, и попроси, чтобы Бог тебя простил. Я уж думаю, что нам с матерью впору сожалеть, что такой тебя вырастили!». Сначала девочка плакала из-за таких слов, но потом, будучи постоянно отвергаемой, очерствела и только посмеивалась, когда я говорила ей, что она должна признать свою вину и попросить прощения.

Но вот настал час, когда все земные тяготы для мистера Эрншо закончились. Он умер октябрьским вечером, тихо сидя в кресле около камина. Сильный ветер кружил снаружи и завывал в трубе; он бушевал, как при грозе, но было не холодно. Мы сидели там все вместе: я, с вязанием, на некотором расстоянии от камина, Джозеф за столом читал Библию (так как прислуга тогда обычно сидела в доме после того, как вся работа была закончена). Мисс Кэти ещё до этого заболела, а потому сидела тихо, опершись на отцовское колено, а Хитклифф лежал на полу, положив голову на её колени. Я помню, что хозяин, перед тем, как погрузиться в дрему, поглаживал её красивые волосы (ему приятны были те редкие часы, когда она была спокойна) и проговорил:

– И почему ты не можешь всегда быть такой хорошей девочкой, Кэти?

И она повернула к нему лицо и, засмеявшись, ответила:

– Почему вы не можете всегда быть хорошим человеком, отец?

Но как только она увидела, что на лице его вновь появилось раздражение, она поцеловала его руку и сказала, что будет петь ему песенку, чтобы он заснул. Начала петь она очень тихо, и пела пока пальцы его не выпустили её пальчики, а голова не свесилась на грудь. Тогда я велела ей замолчать и не шевелиться, чтобы его не разбудить. Целые полчаса мы сидели тихо, как мышки, и сидели бы так ещё дольше, если бы Джозеф, закончив главу, не поднялся и не заявил, что мы должны разбудить хозяина для молитвы и отхода ко сну. Он сделал шаг вперёд, позвал хозяина по имени и тронул его за плечо, но тот не сделал ни одного движения. Тогда Джозеф взял свечу и посмотрел на хозяина. Когда он задул свечу, я поняла, что что-то случилось; я схватила детей за руки и прошептала им:

– Идите наверх и не шумите – можете сегодня помолиться сами; Джозефу нужно кое-что поделать.

– Я сначала пожелаю папе спокойной ночи, – заявила Кэтрин, и мы не успели её удержать, как она обвила руками его шею. Бедняжка сразу же поняла, что случилось.

– Ох, он же умер, Хитклифф! Он умер! – закричала она.

И они оба зашлись разрывающим сердце плачем. Я разрыдалась вместе с ними громко и горько стеноя. Но Джозеф спросил, не думаем ли мы, что не подобает так реветь над святым на небесах. Он велел мне надеть плащ и бежать в Гиммертон за врачом и пастором.⁷ Я не могла тогда понять, зачем они нужны, но отправилась под ветром и дождём и привела одного

⁷ Название деревни Гиммертон – вымышленное. Прототипом послужила небольшая деревня в сельской местности, расположенная в вересковой пустоши в Йоркшире.

из них – врача. Пастор же сказал, что придёт утром. Оставив врача с Джозефом, чтобы тот всё объяснил, я побежала к детям. Дверь в их комнату была приоткрыта, и я увидела, что, хоть было далеко за полночь, они так и не ложились. Однако утешать мне их не пришлось, так как они были намного спокойнее. Милые создания успокаивали друг друга такими мыслями, до каких мне бы и не додуматься: ни один пастор в мире никогда не нарисовал бы картину небес прекраснее, чем они в своих невинных рассуждениях. Заливаясь слезами и слушая их, я не могла не пожелать, чтобы мы оказались там все вместе целыми и невредимыми.

Глава VI

На похороны домой приехал мистер Хиндли. Была одна вещь, которая нас поразила, а соседей заставила распускать сплетни направо и налево: он привёз с собой жену. Кто она такая и откуда родом, не знал никто из нас. Вероятно, у неё не было ни денег, ни имени, чтобы о них заявить, а он, боясь отца, держал в секрете от него информацию об их союзе.

Жена его была не из тех, чье появление вызывает беспокойство у всех в доме. Как только она пересекла порог, каждый предмет, казалось, стал вызывать у неё восхищение, как и каждое событие, связанное с её появлением. Исключение составляла подготовка к похоронам и присутствие плакальщиц.

Потом, наблюдая за её поведением, пока продолжались похороны, я подумала, что она отчасти глуповата: она убежала к себе в комнату и заставила меня пойти вместе с ней, хотя мне нужно было одевать детей. И там в комнате она сидела и, дрожа и сжимая руки, постоянно спрашивала: «Они ещё не ушли?» Потом она с истеричными эмоциями рассказывала, какой эффект производит на неё вид чёрного цвета; она и вздрагивала, и начинала трястись, и, в конце концов, разрыдалась. Когда я спросила, что случилось, ответила, что не знает, что она просто очень боится умереть!

Я представляла её смерть столь же маловероятной, как и свою собственную. Хоть и молодая, она была довольной худой, и цвет лица у неё был свежий, а глаза блестели ярко, как бриллианты. Правда, я отметила, что поднявшись по лестнице, она начинала очень быстро дышать, что любой внезапный звук вгонял её в дрожь и что иногда она нутужно кашляла, но тогда я не знала, что предвещают все эти симптомы, и потому у меня не возникало порыва её пожалеть. Незнакомые люди, в общем-то, появляются у нас очень редко, мистер Локвуд, если только они первые к нам не пожалуют.

За три года отсутствия молодой Эрншо сильно изменился. Он похудел, утратил живость, стал по-другому говорить и одеваться. И ещё в первый же день своего возвращения он заявил мне и Джозефу, что мы впредь должны располагаться сзади, на кухне, а дом оставить для него. Он даже хотел устелить коврами и оклеить обоями небольшую отдельную комнату, превратив её в гостиную, но его жена так восхищалась белым полом и огромным пылающим камином, оловянными блюдами и витриной с голландским фаянсом, и оборудованным для собак местом, и ещё тем, что вокруг места, где они обычно сидели, оставалось много свободного пространства, — что он отказался от своей затеи ради её комфорта.

Она также очень радовалась, что среди её новых знакомых появилась его сестра. И она болтала с Кэтрин, и целовала её, и бегала с ней повсюду, и поначалу дарила ей кучу подарков. Однако её восхищение быстро прошло, в ней развилась раздражительность, а Хиндли стал деспотичным. Несколько слов жены, выражавших её неприязнь к Хитклиффу, было достаточно, чтобы разбудить у молодого хозяина прежнюю ненависть к мальчику. Он выдворил его из своей компании к слугам, лишил занятий с пастором, настоял на том, чтобы Хитклифф вместо этого трудился не в доме, а на ферме, и выполнял там такую же тяжёлую работу, как и другие работники.

Хитклифф поначалу переносил ухудшение своего положения очень спокойно, потому что Кэти учила его всему, чему учили её, и работала или играла в поле вместе с ним. Они искренне пообещали друг другу вырасти грубыми, как дикари.

Молодому хозяину не было никакого дела до того, как они себя ведут и что делают, поэтому они держались от него подальше. Он даже не следил за тем, ходят ли они в церковь по воскресеньям, и только Джозеф и пастор упрекали его за безразличие, когда дети отсутствовали. Это было напоминанием для него, что нужно приказать выпороть Хитклиффа, а Кэтрин оставить без обеда или ужина.

Для детей стало одним из главных развлечений убежать с утра в вересковую пустошь и оставаться там весь день, тогда и перенесённое наказание начинало казаться им ерундой, над которой можно посмеяться. Пастор мог дать Кэтрин учить наизусть сколько угодно глав, Джозеф мог пороть Хитклифа, пока рука не заболит, – они же забывали обо всём, стоило им оказаться вдвоём, или, по крайней мере, с того момента, когда им удавалось придумать какой-нибудь гадкий план мести. И сколько же я раз потихоньку плакала, когда видела, какими отчаянными они становятся день ото дня, но не могла сказать им ни слова из боязни, что утрачу и то небольшое влияние на этих раздружившихся со мной детей, которое у меня ещё оставалось.

Как-то раз воскресным вечером случилось, что их выгнали из гостиной за шум или за какую иную незначительную провинность, и когда я пошла звать их к ужину, то нигде не могла их найти. Мы обыскали весь дом, каждый уголок, обыскали и двор, и конюшни, – их не было нигде. В конце концов, Хиндли, в сердцах, велел нам закрыть на задвижки все двери и поклясться, что никто их не впустит в дом этой ночью.

Все домочадцы пошли спать, но я, чересчур обеспокоенная, чтобы лечь, открыла своё окно и высунула голову под дождь, прислушиваясь, и намеревалась, несмотря на запрет, впустить их, если вернутся. Через какое-то время я различила звук шагов на дороге и свет фонаря, мерцавший у калитки. Набросив на голову шаль, я побежала предупредить их, чтобы не стучали в дверь и не разбудили бы мистера Эрншо. Я увидела одного только Хитклиффа и задрожала от страха.

– Где мисс Кэтрин? – вскрикнула я. – Надеюсь, с ней ничего плохого не случилось?

– В Трашкрос Грандж, – ответил он. – И я бы там тоже остался, если бы они были лучше воспитаны и предложили мне это сделать.

– Ну вот, теперь вы получите, – сказала я. – Никогда вы не успокоитесь, пока не сделаете, что задумали. И что занесло вас в Трашкрос Грандж?

– Дай мне только снять мокрую одежду, и я всё тебе расскажу, Нелли, – ответил он. Я наказала ему быть осторожным, чтобы не разбудить хозяина, и пока я ждала, чтобы он разделся и не задувала свечу, он продолжал: – Мы с Кэти сбежали из прачечной, чтобы побродить на свободе и взглянуть на огни в Грандж. Мы думали, что просто сходим и посмотрим, не проводят ли младшие Линтоны воскресные вечера, стоя и дрожа по углам, тогда как их отец и мать сидят и пьют, поют и смеются, и портят себе глаза у огня. Думаешь, они так и делают? Или, думаешь, их посылают читать проповеди, а прислуга проверяет, знают ли они катехизис, а потом отправляют их заучивать столбцы имён из Писания, если они плохо ответили?

– Видимо, нет, – сказала я. – Они, несомненно, хорошие дети и не заслужили такого обращения, какого заслуживаете вы за своё плохое поведение.

– Да нет же, Нелли, – сказал он. – Не говори ерунды! Мы бежали от самой вершины нашего Грозового Перевала до их парка без остановки. Кэтин едва выдержала такую гонку, потому как ей пришлось бежать босиком. Тебе завтра нужно будет поискать её туфли на болоте. Мы пролезли через дыру в изгороди, ощупью нашли дорожку и расположились на участке с цветами под окном гостиной. Оттуда проходил свет – ставен они не закрывали, а шторы были задёрнуты лишь наполовину. Мы оба смогли заглянуть внутрь, встав на фундамент и держась за подоконник, и что мы увидели... Ах, это было прекрасно! Великолепное помещение, устланное малиновым ковром, такие же, накрытые малиновым, стулья и столы, и чистый белый потолок с золотым обрамлением, целый дождь стеклянных капель, свисающих на серебряных цепочках в центре и мерцающих в мягком свете свечей. Стариков мистера и миссис Линтон там не было, Эдгар с сестрой были полностью предоставлены сами себе. Думаешь, они были счастливы? Нам бы на их месте казалось, что мы на небесах! А вот догадайся, что эти хорошие детки делали? Изабелла – думаю, ей уже одиннадцать, она на год младше Кэти – лежала в дальнем конце комнаты и кричала; она орала так, словно ведьмы втыкают в неё раскалённые докрасна

иголки. Эдгар стоял у камина и беззвучно плакал, а посреди стола сидела маленькая собачонка, которая трясла лапой и скулила; эту собачонку, как мы поняли из их взаимных обвинений, они не могли поделить и потому чуть не разорвали её на части. Идиоты! Вот в чём они находили удовольствие! Ссорились из-за того, кто будет держать этот тёплый пушистый комочек, и каждый начал плакать, потому что ни он, ни она, после драки из-за этого, уже не хотели его брать. Мы всю расхохотались над такими избалованными детками, и мы их презирали! Ты когда-нибудь видела, чтобы я захотел того, чего хотелось Кэтрин? Или видела, чтобы мы, будучи предоставлены сами себе, кричали, рыдали и катались по полу по всей комнате, и таким вот манером развлекались? Да хоть и за тысячу жизней я бы никогда не променял те условия, в которых я здесь живу, на жизнь Эдгара Линтона в Трашкрос Грандж. Даже если бы у меня появилась тогда возможность сбросить Джозефа с самой высокой крыши или покрасить весь фасад дома кровью Хиндли!

– Тише, тише! – прервала его я. – Ты так и не рассказал мне, Хитклифф, как получилось, что Кэтрин там осталась?

– Я же сказал тебе, что мы смеялись, – ответил он. – Линтоны нас услышали и тут же оба стрелой вылетели из двери. Сначала наступила тишина, а потом крики: «О, мама, мама! О, папа! О, мама, иди сюда! О, папа! Ой!». Они и правда завывали что-то в этом роде. Мы стали издавать страшные звуки, чтобы испугать их ещё больше, а потом мы отпрыгнули от подоконника, потому что кто-то стал открывать засовы, и мы поняли, что нам лучше бежать. Я держал Кэти за руку и помогал ей, но она вдруг упала. «Беги Хитклифф, беги! – прошептала она. – Они спустили бульдога, и он в меня вцепился!». Этот дьявол схватил её за лодыжку, Нелли. Я слышал его мерзкое фыркание. Кэти не кричала... нет! Она не опустилась бы до крика, даже если бы её подняла на рога бешеная корова. Зато кричал я. Я прокричал столько проклятий, что можно было уничтожить любого злодея во всём христианском мире. И я взял камень и засунул его собаке между челюстями, и старался изо всех сил пропихнуть его ему в глотку. Наконец выскочил с фонарём злобный слуга, кричавший: «Держи его крепко, Скалкер! Держи!» Однако, увидев, что происходит со Скалкером, он запел по-другому. Собаку оттащили; её огромный бордовый язык вывалился на полфута, а изо рта струилась кровавая слюна. Мужчина поднял Кэти; она потеряла сознание, – я уверен, что не от страха, а от боли. Он внёс её в дом; я последовал за ними, бурча проклятия и обещая отомстить. «Кого поймали, Роберт?» – подначивал Линтон, стоя у входа. «Скалкер поймал маленькую девочку, – ответил слуга. – И с ней парнишка, – добавил он крепко меня схватив, – и выглядит он как самый отпетый! Очень похоже на то, что грабители решили запустить их в окно, чтобы они потом, когда все заснут, открыли двери для всей шайки, и тогда они могли бы запросто нас всех убить. Попридержи свой язык, ты, воришка с поганым ртом! За такое пойдёшь на виселицу. Мистер Линтон, сэр, не убирайте ружьё». – «Нет-нет, Роберт, – подхватил старый дурак. – Эти негодяи знали, что вчера я получил деньги за аренду; думали, что застанут меня врасплох. Заходи! Уж я устрою им приём. Джон, ты там закрой на цепочку. Дай Скалкеру воды, Дженни. Вломиться к судье в его цитадель, да ещё и в субботу! Есть предел их наглости? О, Мэри, дорогая, вы только посмотрите! Не бойтесь, это всего лишь мальчишка, однако в лице его уже явно видны черты злодея. Разве не будет это доброе дело для всей страны, если его сейчас же вздёрнут, уже до того, как натура его проявится в действии так же явно, как и черты его лица». Он потащил меня под канделябр, а миссис Линтон водрузила на нос очки и в ужасе всплеснула руками. Трусливые детки тоже подползли ближе. Изабелла шепелявила: «Страшилище! Посади его в подвал, папа. Он точно такой, как и сын гадалки, который украл моего ручного фазана. Правда, Эдгар?»

Пока они меня рассматривали, Кэти пришла в себя. Она услышала последние реплики и рассмеялась. Эдгару Линтону, внимательно к ней присмотревшемуся, достало ума её признать. Ты же знаешь, они видели нас в церкви, хоть мы и редко с ними где-либо встречались.

– Так это миссис Эрншо! – прошептал он матери. – И посмотри, как Скалкер её покусал... как сильно у неё кровь идёт из ноги!

– Миссис Эрншо? Ерунда! – выкрикнула дама. – Миссис Эрншо шастает по пустоши с цыганом! И всё же, мой дорогой, ребёнок в печальной ситуации... ну а как ещё... она ведь может остаться хормой на всю жизнь!

– Какая преступная халатность со стороны её брата! – воскликнул мистер Линтон, поворачиваясь к Кэтрин. – Как я понял из рассказов Шилдерса (это их священник), он допускает, чтобы она росла в абсолютной дикости. Ну а кто же это? Где она подхватила такого спутника? Ого! Могу с уверенностью заявить, что это то самое странное приобретение моего покойного соседа, сделанное во время его путешествия в Ливерпуль: отпрыск какого-нибудь индейца-матроса, либо брошенный американцами или испанцами.

– Как бы там ни было, злобный мальчишка, – заметила старая леди. – Ты обратил внимание, какой у него язык, Линтон? Я в ужасе, что моим детям пришлось услышать подобное.

Я снова принялся сквернословить – ты уж не сердись, Нелли, – и потому Роберт приказал меня увести. Я отказался уходить без Кэти. Он вытащил меня в сад, сунул мне в руки фонарь, заверил меня, что мистера Эрншо известят о моём поведении, и, приказав мне идти прямой дорогой, запер за мной дверь. Шторы в одном углу всё ещё не были опущены, и я остался, чтобы следить, что происходит, потому что, если бы Кэтрин выразила желание вернуться, а они бы этому воспрепятствовали, я готов был разбить их огромные стеклянные окна на миллион осколков. Она тихо сидела на софе. Миссис Линтон сняла с неё серый плащ, который мы позаимствовали для нашего путешествия у доярки, и, как я понял, дружески её отчитывала. Кэтрин всё-таки юная леди, и они не обходились с ней так, как со мной. Потом служанка принесла тазик с тёплой водой и помыла ей ноги, мистер Линтон приготовил ей глинтвейн, Изабелла высыпала ей на колени все пирожные из тарелки, а Эдгар стоял на расстоянии и глазел, разинув рот. После этого они высушили и расчесали её прекрасные волосы, и дали ей пару огромных домашних тапочек, и пододвинули её к огню. И так я оставил её такой весёлой, что дальше и некуда; а она делила свое угощение между маленькой собачкой и Скалкером, которого пощипывала за нос, пока тот ел, и благодаря ей зажигались радостные искорки в пустых голубых глазах Линтонов – слабое отражение её очаровательного личика. Я видел, что они все оказались во власти глупого восхищения – она ведь столь явно выше их... да и вообще, всех живущих на земле. Правда, Нелли?

– У этого дела последствия будут гораздо серьезнее, чем ты предполагаешь, – ответила я, укрывая его и гася свет. – Ты неисправим, Хитклифф, и мистер Хиндли будет вынужден пойти на крайности, вот посмотришь.

Мои прогнозы оказались более точными, чем я желала. Неудачное приключение детей привело Эрншо в ярость. На следующее утро мистер Линтон, чтобы исправить ситуацию, самостоятельно нанёс нам визит и прочитал молодому хозяину лекцию по поводу того, на какой путь он направляет свою семью, и что ему следует внимательнее присматриваться к тому, что вокруг него происходит.

Хитклиффа не выпороли, но ему заявили, что первое же слово, сказанное им миссис Кэтрин, будет означать, что его выгонят со двора. Миссис Эрншо взялась следить за тем, чтобы её золовка после возвращения домой вела себя пристойно; при этом она стала прибегать к хитрости, а не к силе, ибо поняла, что силой здесь ничего не добиться.

Глава VII

Кэти оставалась в Трашкрос-Грандж пять недель, до Рождества. К этому времени нога её практически зажила, а манеры улучшились. В этот период наша хозяйка её часто навещала; она выработала план изменить Кэти, стараясь поднять у неё самоуважение с помощью красивой одежды и лести. Кэти с готовностью принимала и то, и другое. Таким образом, вместо диковатой дикарки, непривычной к шляпкам, которая прыгала по дому и, ворвавшись, готова была задушить нас в своих объятиях, с красивого чёрного пони спустилась очень достойная персона с каштановыми локонами, ниспадавшими из-под бобровой шляпки с пером, и в длинной амазонке, которую нужно было поддерживать двумя руками, чтобы вплыть в дом. Хиндли подхватил её с лошади и восторженно воскликнул:

– Кэти, да ты прямо красавица! Я совсем тебя не знал. Теперь ты выглядишь как леди. Изабелла Линтон не идёт с ней ни в какое сравнение. Правда, Франсез?

– Изабелла не наделена такими достоинствами от природы, – ответила его жена. – Но Кэтрин не должна забываться, чтобы снова здесь не одичать. Эллен, помогите мисс Кэтрин отнести вещи... А ты подожди, дорогая, дай я помогу развязать тебе шляпку, иначе ты растреплешь локоны.

Я сняла с неё амазонку, и нашему взору открылось шёлковое платье в шотландскую клетку, белые пантолончики и лакированные туфельки. Глаза её светились радостью, когда собаки прыгая бросились её приветствовать, но она почти до них не дотрагивалась, так как боялась, что они испортят её великолепную одежду. Меня она нежно поцеловала; я вся была в муке, готовила рождественский пирог, и потому обнять меня было невозможно. А потом она огляделась, ища Хитклиффа. Мистер и миссис Эрншо с беспокойством ждали их встречи, полагая, что по этой встрече они в какой-то мере смогут судить, какие у них есть основания надеяться, что они добились успеха, разлучив двух друзей.

Сначала Хитклиффа никак не могли найти. Если до отсутствия Кэтрин он отличался беспечностью и небрежностью, и это никого не занимало, то с тех пор его пренебрежение увеличилось в десятикратном размере. Никто кроме меня не говорил ему из добрых побуждений, что он грязный мальчик, и не заставлял его идти помыться раз в неделю; дети в его возрасте редко получают удовольствие от мыла и воды. По этой причине – не говоря уж о его одежде, которая прослужила ему три месяца в грязи и пыли, – и его густые нечёсанные волосы, и всё лицо его и руки не блистали чистотой. По всей видимости, он спрятался за скамьей, когда увидел, что вместо его отчаянной грубоватой спутницы, которую он ждал, в дом вошла блестящая грациозная девица.

– А что это Хитклиффа здесь нет? – требовательно спросила она, стягивая перчатки и демонстрируя чудесно побелевшие от ничегонеделания и постоянного пребывания в доме пальчики.

– Хитклифф, ты можешь выйти сюда, – крикнул мистер Хиндли, радостно предвкушая смущение Хитклиффа и представляя, каким отталкивающим уличным мальчишкой он вынужден будет сейчас здесь предстать. – Ты можешь, как и вся остальная прислуга, выйти и поприветствовать мисс Кэтрин с приездом.

Кэти, углядев Хитклиффа в его укрытии, бросилась его обнимать. За секунду она запечатлела семь или восемь поцелуев на его щеке, а потом остановилась, отстранилась и, залившись смехом, воскликнула:

– Какой же ты чумазый и сердиный! И какой забавный... забавный и мрачный! Но всё это из-за того, что я привыкла к Эдгару и Изабелле Линтон. Ну же, Хитклифф, ты что, забыл меня?

Она задала этот вопрос не без основания, так как стыд и гордость отразились двойной мрачностью на его лице, и он не мог сдвинуться с места.

– Пожмите же руки, Хитклифф, – снисходительно заявил мистер Эрншо. – На этот раз – разрешается.

– Не буду, – ответил мальчик, обрета, наконец, дар речи. – Не буду здесь стоять, чтобы надо мной смеялись. Не буду это терпеть!

И он вырвался бы из круга, если бы мисс Кэти снова его не схватила.

– Я и не собиралась над тобой смеяться, – сказала она. – Просто не могла удержаться. Хитклифф, давай же, наконец, пожмём друг другу руки! Из-за чего ты дуешься? Это просто из-за того, что ты так странно выглядишь. Если ты помоешь лицо и причешешься, всё будет отлично. А то ты такой грязный!

Она озабоченно смотрела на его тёмные пальцы, которые держала в своих руках, и на своё платье, и опасалась, что его прикосновения платья не украсят.

– Не нужно тебе было до меня дотрагиваться, – ответил Хитклифф, поймав её взгляд и отдернув руку. – Я буду таким грязным, каким захочу. Мне нравится быть грязным, так я и буду.

С этими словами он вылетел из комнаты, вызвав радость хозяина и хозяйки, и серьёзную обеспокоенность Кэтрин, которая не могла понять, почему это её замечания могли привести к такой демонстрации дурного нрава.

Сыграв роль горничной для вновь прибывшей, поставив пироги в печь и осветив дом и кухню весёлым ярким огнём, подходящим для сочельника, я приготовилась посидеть и развлечься пением рождественских песен в одиночку; это всё из-за заверений Джозефа, что весёлые мелодии, которые я выбираю, и близко не стоят к тем песням, что нужно петь. Он сам удалился в свою комнату для молитвы, а мистер и миссис Эрншо были заняты тем, что старались привлечь внимание Кэти к разным смешным побрякушкам, которые они накопили для подарков младшим Линтонам в знак признания их доброты. Они уже пригласили их провести завтрашний день на Грозовом Перевале, и приглашение было принято, но с одним условием: миссис Линтон просила, чтобы её детки ни в коем случае не столкнулись с тем «непослушным мальчишкой, который ругается».

При таких обстоятельствах я осталась в одиночестве. Вдыхала богатый аромат жарких пряностей, восхищалась блестящей кухонной утварью, начищенными до блеска часами, украшенными остролистом, серебрянными кружками, выстроившимися в ряд на подносе и готовыми, чтобы их заполнили подогретым элем с пряностями, и особенно безупречной чистотой тщательно подметённого и намытого пола – предмета моей особой заботы.

Я про себя восторгалась каждым предметом, и потом вспомнила, как старый Эрншо обычно приходил, когда всё вычищено, называл меня умницей и клал мне в руку шиллинг – подарок на Рождество. А после этого я стала вспоминать, как он был добр к Хитклиффу, и как он боялся, что о мальчике никто не будет заботиться, когда смерть его заберёт. И это естественным образом привело меня к размышлениям о том, в каком положении парнишка сейчас оказался, и я от пения перешла к слезам. Потом меня осенило, что гораздо разумнее было бы постараться исправить кое-какие его промахи, чем лить из-за этого слёзы. Я встала и пошла искать его во дворе. Он был недалеко, в конюшне, за своей обычной работой: кормил лошадей; когда я вошла, он поглаживал лоснящуюся спину нового пони.

– Поторопись, Хитклифф! – сказала я. – На кухне так уютно. Джозиф ушёл наверх. Поторопись, и я тебя наряжу до того, как мисс Кэти выйдет, и вы тогда сможете сидеть вместе, вдвоём у камина, и болтать до самой ночи.

Он продолжал выполнять свою работу и даже голову не повернул в мою сторону.

– Пошли. Ну что, ты идёшь? – продолжала я. – Там маленькое пирожное для каждого из вас. А тебе ещё нужно полчаса, чтобы переодеться.

Я подождала пять минут, но так и не получив ответа, ушла. Кэтрин ужинала со своим братом и невесткой. Мы с Джозефом разделяли эту невесёлую трапезу, приправленную упрё-

ками с одной стороны и дерзостями с другой. Пирожное и сыр Хитклифа оставались на столе весь вечер непонятно для кого. Он умудрился продолжать работу до девяти часов, а потом упрямо прошагал в свою комнату, не сказав ни слова. Кэтрин сидела допоздна; ей нужно было отдать массу распоряжений по поводу приёма её новых друзей. Она разок зашла на кухню поговорить со своим старым другом, но он уже ушёл, и ей оставалось только спрашивать, что с ним случилось, а потом она и сама ушла.

Утром Хитклифф поднялся рано, и, поскольку это был праздник, ушёл со своим плохим настроением в вересковую пустошь и не появлялся до тех пор, пока всё семейство не отправилось в церковь. Пост и размышления, казалось, благоприятно подействовали на его расположение духа. Он какое-то время покрутился вокруг меня и, собрав всё своё мужество, быстро проговорил:

– Нелли, приведи меня в приличный вид, я буду хорошо себя вести.

– Давно уж пора, Хитклифф, – сказала я. – Ты так огорчил Кэтрин. Прямо тебе скажу, она даже жалеет, что вернулась домой! Кажется, будто ты ей завидуешь, потому что о ней думают больше, чем о тебе.

Мысль о том, что он может *завидовать* Кэтрин, была ему непонятна, но мысль о её огорчении он понял довольно ясно.

– Она сказала, что огорчена? – поинтересовался он с очень серьёзным видом.

– Она заплакала, когда я ей сказала сегодня утром, что ты опять ушёл.

– Да и я плакал вчера вечером, – заметил он. – И причин для этого у меня было больше, чем у неё.

– Да уж, лечь спать с гордым сердцем и пустым желудком – вот твоя причина, – сказала я. – Гордые люди множат собственные печали. Но если ты устыдишься своей обидчивости, то нужно попросить прощения, когда она войдёт. Ты должен будешь подняться наверх и поцеловать её, и сказать... ну ты лучше меня знаешь, что сказать. Только делай это от всего сердца, без мысли о том, что из-за своей важной одежды она стала для тебя чужой. А теперь, хоть мне и нужно готовить обед, я найду время и подготовлю тебя так, что Эдгар Линтон рядом с тобой будет выглядеть простой куклой, – да он такой и есть. Ты моложе, но могу поклясться, что выше его и шире в плечах раза в два, и ты мог бы сбить его с ног, так что он не успел бы и глазом моргнуть. Думаешь нет?

Лицо Хитклиффа ни минуту просветлело. Потом на него опять нашла туча, и он тяжело вздохнул.

– Нелли, но даже если я сбил бы его с ног раз двадцать, это не сделало бы его менее красивым, а меня бы ничуть не украсило. Как жаль, что у меня не светлые волосы и не белая кожа, что я не так хорошо одет и веду себя не как подобает, и что у меня нет никаких шансов стать богатым, как он!

– И звать мамочку, что бы ни случилось, – добавила я, – и дрожать, если деревенский парнишка занесёт над тобой кулак, и сидеть дома весь день, если дождичек закапал. О, Хитклифф, ты проявляешь слабость духа! Подойди к зеркалу, и я покажу тебе, о чем ты должен жалеть. Видишь эти две линии, что пролегли между глаз, и эти густые брови, которые вместо того, чтобы подниматься дугой, сдвинулись к середине, и парочку этих злыдней, которые запрятались так глубоко, что никогда не открывают свои окна смело, а тайно подглядывают в щёлочки под ними, как шпионы дьявола? Пожалей об этом и научись разглаживать сердитые морщины, прямо смотреть в глаза, превратить этих злыдней в уверенных, невинных ангелов, которым чужды подозрения и сомнения и которые всегда видят друзей, если не убедились, что перед ними враги. Не ходи с выражением злобной дворняги, которая знает, что такое пинки и воспринимает их как должное, но при этом из-за своих страданий ненавидит весь мир так же, как и своего обидчика.

– Иными словами, я должен пожелать прекрасные голубые глаза Эдгара Линтона и даже его лоб, – ответил он. – Я того и желаю, но от этого не ближе к ним ни на шаг.

– Доброе сердце сделает твоё лицо красивым, дорогой, – продолжала я, – даже если ты от природы чернокожий, а злое – превратит самое красивое лицо в уродливое. Ну а теперь, когда ты умыт, причёсан, достаточно похукулся, – скажи мне, разве ты не считаешь, что ты сам довольно красив? Я думаю – да! Ты – прямо переодетый принц. Кто знает, может твой отец был китайским императором, а мать индийской королевой, и каждый из них имел такой доход за неделю, что мог бы купить Грозовой Перевал, а заодно и Трашкрос Грандж? Но тебя выкрали злые матросы и привезли в Англию. Будь я на твоём месте, я стала бы размышлять о своём высоком происхождении, и мысли о том, кем я была, дали бы мне силы, чтобы с достоинством противостоять нападкам мелкого фермера!

Я продолжала болтать в том же духе, и постепенно мрачность ушла с лица Хитклиффа, и он стал выглядеть довольно приятно.

Внезапно наш разговор бел прерван грохотом, возвещавшим, что кто-то едет по дороге и въезжает во двор. Хитклифф бросился к окну, а я к двери, и как раз вовремя, чтобы помочь двум Линтонам, закутанным в накидки и меха, выйти из фамильного экипажа.

Члены семейства Эрншо слезли с лошадей – зимой они часто ездили в церковь верхом. Кэтрин взяла обоих детей за руки, ввела их в дом и усадила перед огнём, который вскоре придал краски их белым лицам.

Я посоветовала своему собеседнику поторопиться и продемонстрировать дружеское расположение, и он с готовностью подчинился. Но тут его постигла неудача: когда он открыл дверь, ведущую на кухню с одной стороны, Хиндли открыл её с другой. Они встретились, и хозяин, увидев его чистым и весёлым, разозлился (а, возможно, просто решил сдержать обещание, которое он дал миссис Линтон), внезапно отшвырнул его резким толчком и гневно приказал Джозефу:

– Выстави этого парня из комнаты! Пусть сидит на чердаке, пока не закончится обед. Он запустит пальцы в пироги и будет красть фрукты, если оставить его здесь одного хоть на минуту.

– Нет, сэр, – не в силах удержаться, вступилась я, – он ничего не будет трогать. Я думаю, ему положена его доля угощений так же, как и всем нам.

– Он получит от меня свою долю порки, если я только поймаю его внизу до того, как стемнеет, – выкрикнул Хиндли. – Проваливай, бродяга! Ещё чего! Ты еще пытаешься притвориться щёголем? Подожди, я доберусь до твоих элегантных локонов – посмотрим, будут ли они длиннее после трёпки!

– Они и так достаточно длинные, заметил Линтон младший, выглядывая из-за двери. – Надеюсь, у него из-за них не разболелась голова. Они у него над глазами прямо как лошадиная грива!

У него не было намерения своим замечанием оскорбить Хитклиффа, однако тот, в силу своей неудержимой натуры, не был готов вынести подобную дерзость со стороны человека, которого он ненавидел и который, кроме того, был его соперником. Он схватил миску с горячим яблочным соусом – первое, что попало ему под руку, – и выплеснул её всю на лицо и на грудь обидчика, который тут же начал причитать, из-за чего Изабелла и Кэтрин прибежали на место происшествия. Мистер Эрншо сразу же схватил виновника и сопровождал его в комнату, где, без сомнения, применил грубое средство для охлаждения пыла последнего, ибо вернулся он красным и тяжело дыша. Я взяла кухонное полотенце и с некоторым злорадством стара вытирать Эдгару нос и рот, утверждая, что ему поделом, – не надо было вмешиваться. Его сестра заныла и стала проситься домой, а Кэти стояла, сбита с толку и краснея за всех.

– Тебе не нужно было с ним разговаривать, – упрекала она мистера Линтона. – Он был в плохом настроении, а ты теперь всё испортил. Его выпорют, а я этого терпеть не могу! Я теперь и обедать не смогу. И зачем ты начал с ним говорить, Эдгар?

– Я не начал, – рыдая ответил молодой человек, уворачиваясь от моих рук и заканчивая удалять остатки своим батистовым носовым платочком. – Я маме обещал, что не скажу ему ни слова, и я ему ничего не говорил.

– Ну и не плачь тогда, – презрительно отозвалась Кэтрин, – не убили же тебя. Больше не допускай ошибок. Мой брат идет: замолчи! Тихо, Изабелла! Тебя что, кто-нибудь трогал?

– Ну-ка дети, расселись по местам! – хлопотливо прокричал Хиндли. Этот негодник меня отменно разгорячил. В следующий раз, мистер Эдгар, вершите правосудие собственными кулаками – это разжигает аппетит!

При виде ароматного праздничного стола спокойствие небольшой компании восстановилось. После поездки все проголодались и быстро успокоились, поскольку никакой большой беды не случилось. Мистер Эрншо нарезал мясо и накладывал всем полные тарелки, а хозяйка развлекала гостей оживлённой беседой. Я прислуживала, стоя за её столом, и с болью отметила, что Кэтрин разрежала лежавшее перед ней гусиное крыло с сухими глазами и безразличным видом. «Бессердечный ребёнок, – подумала я тогда про себя. – С какой лёгкостью она забыла о беде своего старого друга. Я никак не думала, что она настолько эгоистична». Тем временем она поднесла большой кусок ко рту, потом отложила его обратно на тарелку; щеки её залились краской, а из глаз брызнули слёзы. Она уронила вилку на пол и поспешно нырнула за ней под скатерть, дабы скрыть свои чувства. Я больше не считала её бессердечной, так как поняла, что она весь день словно пробыла в чистилище и всё думала, как бы ей найти возможность остаться одной или навестить Хитклиффа, которого хозяин запер (это я выяснила, когда сделала попытку отнести ему собранную мной еду).

Вечером у нас были танцы. Кэти умоляла, чтобы Хитклиффа выпустили, так как у Изабеллы Линтон не было партнёра. Её просьбы оказались бесполезными, и меня назначили на место недостающего кавалера. От движения и возбуждения вся наша мрачность рассеялась, и нам стало ещё веселее, когда приехал гиммертонский оркестр в составе из пятнадцати инструментов: труба, тромбоны, кларнет, фагот, валторна и виолончель, – да ещё и с певцами. Они каждое Рождество объезжают все уважаемые дома и собирают дань, и мы решили, что послушать их будет наилучшим развлечением. После обычных рождественских гимнов, которые они спели, мы настроили их на весёлые песни. Миссис Эрншо любила музыку, и они поэтому долго для нас играли.

Кэтрин тоже любила музыку, но она сказала, что лучше всего её слушать с верхних ступенек лестницы, и поднялась наверх, в темноту. Я последовала за ней. Дверь внизу заперли, даже не заметив нашего отсутствия – так много собралось народа. Кэтрин не остановилась на лестнице, а поднялась дальше, на чердак, где был заперт Хитклифф, и позвала его. Какое-то время он упрямо отказывался отвечать, но она настаивала и, в конце концов, убедила его заговорить с ней через дверь.

Я оставила бедняжек, чтобы не мешать их разговору, пока, как я полагала, не прекратятся песни, и певцы не разойдутся освежиться. Потом я поднялась наверх, чтобы её предупредить. Но я не нашла её с этой стороны двери – её голос доносился изнутри. Эта маленькая обезьянка вылезла через одно чердачное окошко на крышу и проникла внутрь через другое; с большим трудом мне удалось уговорить её залезть обратно. Когда она всё-таки вернулась, Хитклифф был вместе с ней, и она настояла, чтобы я взяла его на кухню, так как мой напарник, Джозеф, удалился к соседям, чтобы не слышать звуки этих наших «дьявольских псалмопений», как ему нравилось это называть. Я сказала им, что не собираюсь никоим образом потакать их трюкам, но так как наш затворник не нарушал пост уже со вчерашнего обеда, я согласилась на этот раз обмануть мистера Хиндли.

Хитклифф сошёл вниз. Я поставила ему у огня табурет и предложила огромное количество разных вкусных вещей, но его тошнило, и он ел очень мало. Все мои попытки его развлечь отклонялись. Уперев локти в колени, он положил подбородок между ладонями и оставался погружённым в молчаливое раздумье. На мой вопрос по поводу предмета его размышлений он ответил серьёзно:

– Я стараюсь придумать, как отплатить Хиндли. Неважно, как долго мне придётся ждать, я всё равно в конце концов это следаю. Надеюсь, он не умрёт раньше меня!

– Постыдись, Хитклифф, – сказала я. – Наказывать злых людей – дело Господа; наше дело – научиться прощать.

– Нет, Бог не получит такого удовлетворения, как я, – возразил он. – Я только хочу придумать, как бы получше это устроить! Оставь меня одного, я все спланирую. Когда я об этом думаю, то не чувствую боли.

Однако мистер Лонвуд, я совсем забыла, что эти рассказы не могут вас развлечь. Я уж и злюсь на себя, что так разболталась. Вот и каша ваша уже холодная, и вы клюёте носом! А ведь могла бы рассказать вам историю Хитклиффа, всё, что вам нужно, всего двух словах.

* * * * *

Прервав себя таким манером, экономка поднялась и пошла убирать своё шитьё, но я почувствовал, что не могу уйти от камина, а до того, чтобы клевать носом, ещё не дошёл.

– Посидите ещё, миссис Дин, – попросил я. – Посидите ещё хоть полчаса. Вы правильно делали, что рассказывали мне эту историю не спеша. Именно такой рассказ я и люблю, и вы должны закончить его в том же стиле. Мне интересны все упомянутые вами персонажи, в большей или меньшей степени.

– Часы уже бьют одиннадцать, сэр.

– Неважно, мне не привыкать ложиться спать в поздний час. И час ночи, и два – всё не поздно для того, кто в кровати до десяти.

– Вам не следует залёживаться до десяти. Самое лучшее утреннее время истекает до десяти. Тот, кто не сделал до десяти половину своей дневной работы, рискует не сделать и вторую её половину.

– И тем не менее, миссис Дин, вернитесь в своё кресло, потому что завтра я намереваюсь продлить свою ночь прямо до полудня. Я чувствую, что простудился не на шутку.

– Надеюсь, что это не так, сэр. Ну хорошо, позвольте мне перескочить года через три. За это время мистер Эрншо...

– Нет-нет, ничего подобного я вам не разрешаю! Знакомо вам такое настроение, когда вы сидите в одиночестве, и перед вами на коврике только кошка, которая вылизывает своего котёнка, и вы так сосредоточенно наблюдаете за этой процедурой, что пропусти кошка хоть одно ушко, это по-настоящему выведет вас из себя?

– Я бы сказала, что это ужасно ленивое состояние.

– Напротив, это состояние утомительно активное. Вот в таком я сейчас состоянии, а поэтому продолжайте со всеми подробностями. Как я понимаю, люди в этих местах обретают такое же преимущество над людьми в городе, какое обрёл бы паук в темнице над пауком в коттедже с учётом разных обитателей этих мест. И всё-таки главная их привлекательность не в положении наблюдателя. Они действительно живут более глубокой жизнью, оставаясь самими собой; их жизнь менее поверхностна и пуста, менее изменчива в зависимости от внешних вещей. Я могу себе представить, что здесь можно полюбить на всю жизнь, и это несмотря на моё твёрдое убеждение, что любовь длительностью более года не существует. Положение одних можно сравнить с голодным человеком, которому предоставили одно блюдо, и он весь свой аппетит сконцентрировал именно на нём, оценив блюдо по достоинству; а положение других – с человеком, которого усадили за стол, накрытый французскими поворотами: возможно, он

сможет получить удовольствие от всего в целом, на каждая отдельная деталь останется лишь маленькой частицей в его воспоминаниях.

– О, да мы здесь такие же, как и везде! Вы поймёте, когда узнаете нас поближе, – заключила миссис Дин, в какой-то мере озадаченная моей речью.

– Ну извините, – ответил я, – вы сама, дорогой мой друг, убедительное свидетельство, опровергающее ваше утверждение. За исключением нескольких незначительных провинциальных черт, вы не обладаете отличительными манерами, которые я имею привычку считать присущими вашему классу. Я уверен, что вы размышляли надо всем гораздо больше, чем обычная прислуга. Вы были принуждены развивать свою способность мыслить по воле обстоятельств – вам было не до того, чтобы растрачивать свою жизнь на глупые мелочи.

Миссис Дин рассмеялась.

– Я действительно считаю себя человеком уравновешенным и рассудительным, – сказала она, – но это не просто оттого, что я живу среди холмов, вижу одни и те же лица и выполняю одну и ту же работу, и всё это из года в год. Я прошла через серьёзные испытания, и они научили меня мудрости. И к тому же я читала больше, чем вы можете вообразить, мистер Локвуд. Вы не найдёте ни одной книги в этой библиотеке, в которую бы с не заглянула и из которой бы не вынесла что-то для себя, если только не считать сочинения на греческом и латинском, да и на французском, – хотя и те я могу отличить друг от друга. И можно ли ждать большего от дочери бедного человека? Однако, если уж я должна продолжить свой рассказ в непринуждённом стиле, то пора продолжать, а вместо того, чтобы перескочить через три года, будет неплохо перенестись в последовавшее за описанными событиями лето 1778 года, почти на двадцать три года назад.

Глава VIII

Одним прекрасным июньским утром родился мой первый питомец, последний маленький красавец из древнего рода Эрншо. Мы косили сено на дальнем поле, когда девушка, которая обычно приносит завтраки, прибежала к нам через луг на час или два раньше. Она звала меня уже на бегу.

– О, какое прекрасное дитя! – говорила она, задыхаясь. – Самый чудный парень, какие только являлись на свет! Но врач сказал, что госпожа наверняка умрёт: он сказал, что все эти месяцы у неё была чахотка. Я слышала, как он сказал мистеру Хиндли: «А теперь её здесь ничего не держит, и она не доживёт до зимы». Ты должна срочно пойти домой. Ты будешь его нянчить, Нелли: кормить его молоком с сахаром, смотреть за ним днем и ночью. Хотела бы я быть на твоём месте – ведь он будет совсем твой, когда не станет госпожи!

– Так что она, очень больна? – спросила я, отбросив грабли и завязывая шляпку.

– Полагаю, что да. Но вид у неё бодрый, – ответила девушка, – и говорит она так, будто не собирается умирать и доживёт до того, как он станет взрослым мужчиной. Она потеряла от радости голову, малыш такой красавец! Будь я на её месте, я бы и правда не стала умирать – поправилась бы только от одного его вида, несмотря на Кеннета. Я от него просто без ума. Тётушка Ачер принесла этого херувима хозяину в дом, и лицо его просветлело, но тут выскочил вперёд этот старый ворчун и говорит: «Эрншо, это благословение, что жена одарила вас таким сыном. Когда она пришла, я сразу понял, что долго ей не продержаться; ну а теперь должен вам сказать, что зима её, вероятно, доконает. Не горюйте слишком сильно и не мучайте себя – здесь ничего не поделаешь. А кроме того, следовало бы вам лучше подумать, и не выбирать такую хрупкую тростинку!

– И что ответил хозяин? – поинтересовалась я.

– Думаю, он выругался; но мне было не до него, я всё так и смотрела на дитятко, – и она снова с восторгом начала описывать младенца.

Тут я не с меньшим рвением, чем она, поспешила домой, чтобы и самой им полюбоваться, хотя и очень опечалилась из-за мистера Хидли. В его сердце доставало места только для двух идолов: для его жены и для него самого; он обоих любил до безумия, а жену просто обожал, и я не могла себе представить, как он перенесёт утрату.

Когда мы добрались до Грозового Перевала, он стоял у входа, и я, проходя мимо, спросила:

– Как малыш?

– Ещё немного и побежит, Нелл! – ответил он, изображая весёлую улыбку.

– А хозяйка? – осмелилась поинтересоваться я. – Врач сказал, что она...

– К чёрту врача! – прервал он меня, краснея. – Фрэнсис права: через неделю она наверняка поправится. Ты идёшь вверх? Скажешь ей, что я приду, если она пообещает не разговаривать. Я ушёл от неё, потому что она не может уговориться, всё говорит и говорит, а она должна – скажи ей, мистер Кеннет так говорит, – она не должна разговаривать.

Я передала это послание миссис Эрншо. Она была, казалось, в весёлом расположении духа и радостно ответила:

– Да я почти и слова не сказала, Эллен, а он уж дважды выходил расплакавшись. Ну хорошо, скажи, я обещаю, что не буду разговаривать, но это не значит, что я не могу над ним посмеяться!

Бедняжка! Даже в последнюю неделю перед смертью весёлый нрав её не угасал, а её муж настаивал на своём с упрямством, – нет, даже с гневом, – утверждая, что здоровье её улучшается с каждым днём. Когда Кеннет предупредил его, что на данном этапе болезни любое лекарство бесполезно и что нет необходимости пускаться в расходы и платить за его визиты, Хиндли

ответил: «Я и сам знаю, что не нужно... Она хорошо себя чувствует и больше не нуждается в ваших посещениях! У неё никогда не было никакой чахотки. Была лихорадка, и она прошла. Пульс у неё теперь такой же медленный, как и у меня, и щёки такие же холодные».

То же самое он рассказывал и жене, и она, казалось, ему верила. Но однажды ночью, когда она, склонившись на его плечо, делилась своими мыслями о том, что завтра уже сможет встать, у неё начался приступ кашля, довольно лёгкий, и Хиндли взял её на руки; она обвила руками его шею, лицо её изменилось и она умерла.

Как девушка и предполагала, ребенок, Гэртон, оказался полностью на моих руках. Мистеру Эрншо достаточно было видеть мальчика здоровым и не слышать его плача; но это только то, что касалось ребёнка. Сам же он впал в отчаяние; скорбь его была такого рода, что не выплакать слезами. Он не рыдал и не молился – он всех проклинал и всем бросал вызов: ненавидел и Бога, и человека, предавался безрассудному распутству. Прислуга не смогла долго выносить его тиранию и злость: мы с Джозефом оказались единственными, кто остался. Сердце не позволяло мне бросить своего питомца; а кроме того, видите ли, я была его молочной сестрой, и потому могла простить его поведение с большей готовностью, чем посторонний человек. Джозеф остался, чтобы попрекать и бранить жильцов и работников, и потому что его призвание быть там, где творится много зла, чтобы всех попрекать.

Дурное поведение и плохие приятели хозяина стали плохим примером для Кэтрин и Хитклиффа, а его отношение к последнему даже святого сделало бы злодеем. А в тот период в парнишке, и право, появилось что-то дьявольское. Ему доставляло удовольствие быть свидетелем того, что Хиндли опускается дальше некуда, что он изо дня в день явственно погружается в мрачность и свирепую жестокость.

Я не могу описать даже половины того ужаса, что творился в нашем доме. Священник перестал нас посещать, и в конце концов, все порядочные люди стали держаться от нас подальше. Исключением, разве что, были визиты Эдгара Линтона к мисс Кэти.

В пятнадцать лет она стала королевой округи; ей не было равных, и она, по правде говоря, превратилась в надменное и упрямое создание! Признаюсь, она мне перестала нравиться после того, как детство её миновало, и я часто досаждала ей, стараясь сбить с неё спесь; однако зла она на меня никогда не держала. Она была удивительно постоянна в старых привязанностях: даже Хитклифф неизменно сохранял своё влияние на неё, и молодому Линтону, со всеми его достоинствами, трудно было произвести столь же сильное впечатление.

Он был моим покойным хозяином; вот его портрет над камином. Раньше его портрет висел на одной стороне, а портрет его жены – на другой. Но её портрет убрали; в противном случае вы могли бы посмотреть, какая она была. Вам хорошо видно?

Мисс Дин подняла свечу, и я разглядел лицо с мягкими чертами, очень сильно напоминающее молодую леди в Грозном Перевале, но с выражением более печальным и добродушным. Портрет был очень мил. Длинные светлые волосы слегка завивались на висках, глаза – большие и серьёзные, фигура утончённая, даже слишком. Меня не удивило, что Кэтрин Эрншо могла забыть своего первого друга ради такого человека. Гораздо больше меня удивило другое: как мог он, с соответствующим складом ума, плениться Кэтрин Эрншо.

– Очень приятный портрет, – заметил я, обращаясь к экономке. – Он такой и был?

– Да, – ответила она. – Но он выглядел лучше, когда воодушевлялся. Таков был его повседневный вид; ему вообще не хватало вдохновения.

С Линтонами Кэтрин поддерживала отношения со времени своего пятинедельного пребывания у них. И так как она не имела намерения демонстрировать в их компании грубые стороны своей натуры и считала постыдным вести себя грубо там, где с ней неизменно обращались так вежливо, она своей искренней сердечностью очаровала престарелых леди и джентльмена, а также заслужила восхищение Изабеллы и покорила сердце её брата. Поначалу Кэтрин это льстило, так как она была очень честолюбива, а впоследствии она приспособилась к такой двой-

ственности своего характера, явно не намереваясь кого-то обманывать. В том месте, где Хитклиффа называли «грубым молодым хулиганом» и считали, что он «хуже зверя», она следила за тем, чтобы не вести себя, как он. Однако дома Кэтрин не была склонна проявлять вежливость, за которую её просто высмеяли бы, равно как и демонстрировать несвойственные её натуре черты, ибо этим она не заслужила бы ни доверия, ни похвалы.

У мистера Эдгара редко хватало мужества посетить Грозовой Перевал в открытую. Его приводила в ужас репутация Эрншо, и он боялся встречи с ним. Однако принимали его всегда как можно любезнее: хозяин сам старался его ничем не обидеть, понимая, зачем тот пришёл; а если уж у него не получалось вести себя любезно, то старался не показываться на глаза. Я склонна думать, что его появления там были неприятны Кэтрин; она никогда не хитрила, не строила из себя кокетку, и, по всеё видимости, была против того, чтобы два её друга вообще встречались. Когда Хитклифф выражал своё презрительное отношение к Линтону в присутствии последнего, она не могла хотя бы отчасти поддержать Хитклиффа, как она делала во время отсутствия Линтона. Когда же Линтон выказывал своё отвращение и презрение к Хитклиффу, она не могла воспринимать это с безразличием, словно унижение её друга детства ничего для неё не значит. Я частенько смеялась над её затруднительными положениями и многочисленными неприятностями, которые она тщетно пыталась скрыть из-за моих насмешек. Это походило на дурной тон: но она была так горда, что жалеть её среди этих её несчастий было просто невозможно, пока она не обратилась к смирению. Однако, в конце концов, она призналась мне во всем и стала полагаться на меня: больше не было ни единой души, к которой она могла бы обратиться за советом.

Однажды в полдень мистер Хиндли ушёл из дома, и Хитклифф надумал ради такого дела устроить себе праздник. Думаю, ему тогда уже было шестнадцать, и хоть черты лица у него были непрохие, и умом он не был обделён, он умудрялся производить отталкивающее впечатление и внешним видом и поведением, хотя в теперешнем его облике от этого не осталось и следа.

В первую очередь, он к этому времени растерял все преимущества, которые даёт раннее обучение; продолжительная тяжёлая работа, рано начинавшаяся и поздно заканчивавшаяся, лишила его того любопытства, которое раньше способствовало его тяге к знаниям, любви к книгам и учению. Детское чувство превосходства, развитое в нём поблажками старого мистера Эрншо, угасло. Он упорно и долго старался не отстать в учёбе от миссис Кэтрин, но сдался с горьким, хотя и молчаливым сожалением. Причём сдался он окончательно. Обнаружив, что неизбежно должен опуститься ниже прежнего уровня, он не постарался предпринять хоть какие-то шаги, чтобы идти вперёд. Затем его внешний облик стал соответствовать внутреннему разладу: походка стала неуклюжей, а взгляд – неприятный, исподлобья. Присущая его натуре скрытность увеличилась почти до идиотической угрюмой необщительности, и он, по всей видимости, стал получать мрачное удовольствие от того, что у немногих своих знакомых начал вызывать не уважение, а отвращение.

Они с Кэтрин всё ещё оставались постоянными спутниками друг друга, когда у Хитклиффа были сезонные передышки между трудами. Но он перестал выражать словами своё восхищение Кэтрин и со злобным подозрением уклонялся от её девчачьих ласк, словно думал, что, расточая на него такие знаки привязанности, невозможно испытывать удовольствия.

В вышеупомянутый день Хитклифф вошёл в дом с заявлением, что он сегодня не собирается ничего делать. Я в это время помогала Кэтрин с её платьем. До его заявления ей не приходило в голову, что он именно в этот день будет без дела, и она вообразила, что весь дом будет полностью в её распоряжении, а потому ей каким-то образом удалось известить мистера Эдгара об отсутствии своего брата, так что теперь она готовилась его принять.

– Кэти, ты занята сегодня после полудня? – спросил Хитклифф. – Ты куда-нибудь уходишь?

– Нет, идёт дождь, – ответила она.

– А почему ты тогда в этом шёлковом платье? – спросил Хитклифф. – Надеюсь, никто сегодня сюда не придёт?

– Насколько я знаю, нет, – запинаясь, проговорила мисс. – Но ты же сейчас должен быть в поле, Хитклифф. Уже час прошёл после обеда. Я думала, ты ушёл.

– Хиндли не часто избавляет нас от своего проклятого присутствия, – заметил мальчик. – Сегодня я больше не буду работать – останусь с тобой.

– О, Джозеф всё расскажет, – высказала она предположение. – Тебе лучше пойти!

– Джозеф грузит известь в дальнем конце Пенистон Крэгс. Он будет там до темна, и ничего не узнает.

С этими словами он подошёл к камину и там уселся. Кэтрин, сдвинув брови, поразмыслила с минуту – она считала необходимым сгладить вопрос внезапного появления гостей.

– Изабелла и Эдгар Линтон говорили о том, что сегодня заедут, – заявила она после минутного молчания. – Поскольку идёт дождь, навряд ли они появятся. Но если они всё-таки приедут, то ты рискуешь нарваться на неприятности.

– Прикажи Эллен сказать, что ты занята, – настаивал он. – Не выставляй меня из-за этих твоих жалких и глупых друзей! Иногда меня уж так и подмывает сказать, что они... но нет, не буду...

– Что они – что? – закричала Кэтрин, глядя на него с обеспокоенным видом. – О, Нелли! – капризно добавила она, дернув головой и отсранаясь от моих рук. – Ты так меня причесала, что все локоны пропали! Хватит уже. Оставь меня в покое.

– Тебя так и подмывает сказать, Хитклифф, что они – что?

– Да ничего... Ты только посмотри на этот календарь на стене. – Он указал на висевший около окна листок и продолжал: – Крестами отмечены все вечера, которые ты проводила с Линтонами, а точками – те, что со мной. Видишь? Я отмечал каждый день.

– Да. И очень глупо. Я и не замечала этого! – ответила Кэтрин капризным тоном. – Ну и какой в этом смысл?

– Показать тебе, что я всё замечал! – ответил Хитклифф.

– И что, я всегда должна была сидеть с тобой? – требовательно заявила она, ещё более раздражаясь. – Что мне от этого? О чём мы говорим? Всё, что ты говоришь, чтобы меня развлечь, да и всё, что делаешь, под силу любому глупцу или ребёнку!

– Ты никогда раньше не говорила мне, что я мало разговариваю, или что тебе не нравится моя компания, Кэти! – воскликнул Хитклифф в сильном волнении.

– Это и вовсе не компания, когда люди ничего не знают или ничего не говорят, – пробурчала она.

Её собеседник поднялся, но времени для дальнейшего выражения чувств у него не оказалось, так как прослышался топот копыт по мощёной дороге и, осторожно постучав, вошёл молодой Линтон. Лицо его светилось от радости из-за неожиданного приглашения, которое он получил. Несомненно, Кэтрин отметила разницу между двумя друзьями, когда один вошёл, а другой вышел. Контраст можно сравнить с тем, что возникает при виде бесцветной холмистой местности, где добывают уголь, или при виде прекрасной плодородной долины. Такова же была разница и в их голосах, и во фразах, ими произнесённых. Вошедший был приятен, говорил в спокойной манере и произносил слова вот как вы произносите – не так грубо, как мы здесь говорим, а мягче.

– Я не слишком рано пришёл? – спросил он, бросив взгляд в мою сторону.

Я начала вытирать тарелки и протирать ящики в дальнем конце кухонного шкафа.

– Нет, – ответила Кэтрин. – Что ты там делаешь, Нелли?

– Свою работу, мисс, – сказала я. (Мистер Хиндли дал мне указание не оставлять её наедине с Линтоном, если тот решит нанести визит.)

Кэтрин встала сзади меня и злобно прошептала:

– Убирайся отсюда вместе со своими тряпками. Когда в доме собирается компания, прислуга не должна убирать и мыть в комнате, где все собрались!

– Сейчас как раз хорошая возможность, когда нет хозяина, – громко заявила я. – Он теперь не может, когда я здесь кручусь в его присутствии. Не сомневаюсь, что мистер Эдгар меня простит.

– Зато я не могу терпеть, когда ты крутишься здесь в *моём* присутствии! – властно воскликнула молодая леди, не дав времени своему гостю что-либо сказать. После небольшой перепалки с Хитклиффом она никак не могла вернуться в спокойное состояние.

– Мне очень жаль, что это так, мисс Кэтрин, – отозвалась я и с усердием продолжила своё занятие.

Кэтрин, полагая, что Эдгар не видит её, выхватила из моей руки тряпку и ущипнула меня за руку, долго и злобно выкручивая. Я уже говорила, что не любила её и даже получала некоторое удовольствие, унижая её время от времени. Кроме того, она ущипнула меня очень больно, поэтому я встала с колен и закричала:

– О мисс, как это отвратительно! Вы не имеете права меня щипать, и я не собираюсь это выносить!

– Я не дотрагивалась до тебя, врунья! – выкрикнула она, протянув руку, чтобы опять повторить сделанное; уши у неё покраснели от злости. Она никогда не умела скрывать свои чувства – лицо её сразу так и вспыхивало.

– А что тогда вот это? – парировала я, показывая явное багровое пятно, чтобы опровергнуть её слова.

Она топнула ногой, на миг заколебалась, а затем, побуждаемая духом противоречия внутри неё, ударила меня по щеке таким жгучим ударом, что у меня на глазах выступили слёзы.

– Кэтрин, милая! Кэтрин! – вмешался Линтон, поражённый тем, что его идол совершил сразу два недостойных действия: обман и насилие.

– Выйди из комнаты, Эллен! – повторила Кэтрин, вся дрожа.

Маленький Гэртон, который следовал за мной повсюду и сейчас сидел около меня на полу, увидев мои слёзы, разревелся и сам и, всхлипывая, стал жаловаться на «злую тётю Кэти». Последняя в свою очередь направила свой гнев на его несчастную голову: она схватила его за плечи и стала трясти бедного ребёнка, пока он не посинел, и Эдгар, не раздумывая, схватил её за руки и освободил малыша. В тот же миг, как малыш был освобождён, изумлённый молодой человек почувствовал, как её рука приложилась к его собственному уху, да так, что на шутку это никак не походило. Он отпрянул в ужасе. Я взяла Гэртона на руки и ушла с ним на кухню, оставив дверь открытой, ибо мне было интересно понаблюдать, как они уладят это разногласие. Оскорблённый гость, бледный, с дрожащей губой, направился к тому месту, где положил перед этим свою шляпу. «Ну и хорошо, – сказала я сама себе. – Вот тебе предупреждение, и теперь – уходи! Добро ещё, что тебе дали возможность увидеть её подлинную натуру».

– Куда вы идёте? – требовательно спросила Кэтрин, направляясь к двери.

Он отступил в сторону и попытался пройти.

– Вы не должны уходить! – воскликнула она решительно.

– Я должен уйти и уйду! – ответил он приглушённым голосом.

– Нет, – настаивала она, схватившись за ручку двери. – Не сейчас, Эдгар Линтон. Садитесь. Вы не оставите меня в таком состоянии. Я буду чувствовать себя несчастной весь вечер, и всё из-за вас!

– Разве могу я остаться после того, как вы меня ударили? – спросил Линтон.

Кэтрин промолчала.

– Посте этого я вас боюсь, и мне стыдно за вас, – продолжал он, – и я больше сюда не приду!

У Кэтрин заблестели глаза и задёргались веки.

– И вы намеренно солгали! – добавил он.

– Нет! – закричала она, перекрывая его речь. – Я ничего не делала намеренно. Ну что ж, идите, если хотите. Убирайтесь! А я буду плакать, плакать, пока не заболēju!

Она опустилаcь на колени около стула и разрыдалась по-настоящему. Эдгару хватило решимости исполнить свое намерение, но только в пределах двора. Там он замедлил шаги. Я решила подбодрить его.

– Мисс ужасно капризна, сэр, – прокричала я. – Как испорченный ребёнок. Лучше бы вам поехать домой, а то она ещё действительно разболеется, исключительно чтобы нас огорчить.

Жалостливый молодой человек искоса посмотрел на окно. Его силы воли удалиться было ровно столько, сколько у кота – оставить полуубитую мышь или недоеденную птичку. Ах, подумала я, ничто его не спасёт: он обречён и летит навстречу своей судьбе! Так оно и получилось: он резко обернулся, торопливо вошёл в дом и закрыл за собой дверь. А когда я, через какое-то время, пришла сообщить им, что мистер Эрншо пришёл домой пьяный и буйствует, прямо готов разнести весь дом (это было его обычное поведение в таком состоянии), то увидела, что ссора только ещё больше их сблизила – она разрушила оковы юношеской робости, позволила оставить позади маску дружеских отношений и признать, что они влюблены друг в друга.

Узнав о прибытии мистера Хиндли, Линтон поспешал к своей лошади, а Кэтрин в свою комнату. Я пошла прятать маленького Гэртонa и вынуть пули из хозяйского охотничьего ружья, с которым он любил поиграть в состоянии крайнего возбуждения, что представляло опасность для любого, кто мог бы его спровоцировать, или даже просто привлёк бы его внимание; вот по этой-то причине мной был придуман план вынимать пули, на случай если он дойдёт до стрельбы.

Глава IX

Он вошёл, выкрикивая такие проклятия, что, слушая их, становилось страшно, и застал меня как раз в тот момент, когда я засовывала его сына в кухонный шкаф. Гэртон испытывал естественный страх перед встречами с отцом: равно как перед его звериной любовью, так и сумасшедшим гневом. В первом случае тот мог затискать и зацеловать его до смерти, во втором – бросить в огонь или ударить головой о стену; по этой причине бедняжка сидел абсолютно тихо, куда бы я его ни спрятала.

– Вот! Наконец-то я всё выяснил! – закричал Хиндли, схватив меня сзади за шею и оттащивая назад, как собаку. – Клянусь раем и адом, вы тут между собой договорились убить этого ребёнка! Теперь-то я понимаю, почему он мне никогда не попадает на глаза. Но, сатана мне в помощь! Я заставлю тебя проглотить этот разделочный нож, Нелли! Нечего смеяться; я только что запихнул Кеннета в болото Блэк-Хорс, головой вниз; а где один, там и двое – хочу убить одного из вас. Не успокоюсь, пока не убью!

– Но разделочный нож мне не по нраву, мистер Хиндли, – ответила я. – Им резали копчёную селёдку. Лучше уж быть застреленной, если вам так уж этого хочется.

– Лучше тебе пойти ко всем чертям! – сказал он. – Вот туда и отправляйся. Нет такого закона в Англии, который запрещал бы человеку содержать свой дом в приличном состоянии, а мой – в отвратительном! Открывай же рот.

Он держал нож в руке и совал его острым концом мне в зубы, но я, со своей стороны, никогда особенно не боялась его выходок. Я плюнула и подтвердила, что вкус у ножа отвратительный и я на такое не пойду.

– О! – сказал он, отпуская меня. – Вижу я, что этот маленький негодник вовсе не Гэртон. Прошу прощения, Нелл. Если уж на то пошло, то это он заслуживает, чтобы с него содрали кожу заживо, раз не побежал ко мне с приветствиями, а разорался так, будто я гоблин. Иди сюда, бессердечный зверёныш! Я научу тебя, как вести себя с отцом; хоть он и сбился с толку, но у него доброе сердце. Как думаешь, парнишка будет лучше выглядеть, если его немного подстричь? Собак это делает злее – а я люблю злых! Дай-ка мне ножницы... Люблю злых и подстриженных! Кроме того, что это за адская привязанность, прямо дьявольское чванство – так лелеять собственные ушки; мы и без них ослы ослами. Тс, малыш, тс! Ну вот и хорошо, дорогой мой! Ну-ка, вытри глазки – вот сейчас будет весело. Что? Не будет? Поцелуй меня, Гэртон! Поцелуй же, чёрт побери! Бог мой, не буду я растить такое чудовище. Не жить мне на этом свете, если не сверну шею этому паршивцу.

Бедняжка Гэртон в руках отца визжал и брыкался изо всех сил; вопли его ещё более усилились, когда тот понёс сына наверх и поднял над перилами лестницы. Я закричала, что он доведёт ребёнка до истерического припадка и побежала на помощь. Когда я оказалась рядом с ними, Хиндли, почти забыв, кого он держит в руках, перегнулся через перила послушать, что за шум внизу.

– Кто это? – спросил он, услышав приближающиеся к лестнице шаги. Я тоже наклонилась вперёд, чтобы подать знак Хитклиффу, чьи шаги я узнала, не проходить дальше; и в тот самый момент, когда я отвела взгляд от Гэртон, он внезапно вывернулся и, высвободившись от удерживавших его беспечных рук, полетел вниз.

Едва ли мы успели испытать приступ ужаса до того момента, как увидели, что ребёнок спасён. Хитклифф оказался внизу как раз в самый критический момент; следуя естественному порыву, он поймал малыша и, поставив его на ноги, посмотрел наверх, чтобы понять, кто это сотворил.

У скряги, который расстался со счастливым лотерейным билетом за пять шиллингов и на следующий день обнаружил, что потерял на этом пять тысяч фунтов, не было бы столь

ошеломлённого выражения лица, как у Хитклиффа, когда он увидел наверху фигуру мистера Эрншо. Яснее любых слов, лицо его выражало сильнейшую боль из-за того, что он сам оказался инструментом, предотвратившим свершение возмездия.

Осмелюсь предположить, что, если бы было темно, он попытался бы найти способ исправить свою ошибку, разможив Гэртону череп о ступени. Но мы все оказались свидетелями его спасения, и я тут же сбежала вниз и уже прижимала своё сокровище к сердцу. Хиндли спустился медленнее, протрезвевший и пристыжённый.

– Это твоя вина, Эллен, – сказал он. – Тебе нужно было держать его подальше от моих глаз. Нужно было забрать его у меня! Он нигде не поранился?

– Поранился? – выкрикнула я со злостью. – Если бы он не убился, то стал бы идиотом! О! Удивляюсь я, что мать его не поднялась из могилы, чтобы посмотреть, как вы с ним обходитесь. Вы хуже язычника – таким манером обращается со своей плотью и кровью!

Он попытался дотронуться до ребёнка, который, оказавшись со мной, перестал плакать и сразу успокоился. Однако стоило отцу дотронуться до него пальцем, как он снова раскричался громче прежнего и забился, словно в припадке.

– Не следует вам к нему лезть! – продолжала я. – Он вас ненавидит... они все вас ненавидят, и это правда! Счастливая у вас семейка, и до хорошего же состояния вы дошли!

– Дойду до состояния и того получше, Нелли! – рассмеялся этот сбившийся с пути человек, обретая прежнюю жестокость. – А сейчас убирайся и его забери. И слушай ты, Хитклифф! Проваливай тоже, чтоб я тебя не видел и не слышал. Сегодня я тебя не прибую, если, конечно, не подожгу весь дом. Но ещё посмотрим, как далеко зайдёт моя фантазия.

Говоря это, он достал из кухонного шкафа бутылку бренди и налил немного в стакан.

– Нет, не надо! – вмешалась я. – Мистер Хиндли, внимайте предупреждению. Сжальтесь над этим несчастным мальчиком, если уж о себе вы совсем не думаете!

– Да любой для него будет лучше, чем я, – ответил он.

– Сжальтесь хоть над душой своею! – сказала я, пытаюсь выхватить стакан из его руки.

– Это не ко мне! Наоборот, я получу огромное удовольствие, посылая её на вечные муки в наказание её Создателю! – выкрикнул богохульник. – Да будь она проклята!

Он выпил спиртное и нетерпеливо выставил нас, сопровождая свои команды столь ужасными проклятиями, которые лучше не повторять и забыть.

– Жаль, что он не может упиться до смерти, – заметил Хитклифф, бормоча в ответ ругательства, когда дверь закрылась. – Он доводит себя до крайности, но его организм всё выносит. Мистер Кеннет говорит, что готов поставить на свою кобылу, что Хиндли переживёт всех во всей округе до Гиммертона и сойдёт в могилу древним грешником, если только какой-нибудь из ряда вон случай не выпадет на его долю.

Я ушла на кухню и стала укачивать моего ягнёночка. Мне показалось, что Хитклифф ушёл в сарай. Но потом оказалось, что он отошёл в другую сторону, улёгся там на дальней от камина скамье у стены и лежал там молча.

Я качала Гэртон на коленях и напевала ему песенку, которая начиналась так:

«Ночью глубокою в сером тумане

Мать под землёй услышала страданье»...

Кэти высунула голову (она из своей комнаты слышала весь шум) и прошептала:

– Нелли, ты одна?

– Да, мисс, – ответила я.

Она вошла и приблизилась к камину. Полагая, что она хочет что-то сказать, я подняла глаза. По выражению её лица было понятно, что она обеспокоена и взволнована. Рот полуоткрыт, словно она собирается заговорить, и она сделала глубокий вдох, но не произнесла ни слова. Я продолжила пение, памятуя о её недавнем поведении.

– Где Хитклифф? – спросила она, прервав моё пение.

– Работает в конюшне, – ответила я.

Хитклифф не возразил; возможно, он просто задремал. За этим последовали ещё две паузы, во время которых я заметила, как одна или две слезинки скатились по её щекам и упали на пол. «Уж не сожалеет ли она о своём постыдном поведении? – спросила я себя. – Тогда это что-то новенькое. Но она может вернуться к прежнему, как только ей этого захочется. Не буду я ей помогать! Да нет, её мало что волнует, кроме собственных забот».

– О, дорогая, – наконец заплакала она. – Я так несчастна!

– Жаль, – заметила я. – Вам трудно угодить. Друзей полно, да вам ни до кого нет дела, и всё-то вас не устраивает!

– Нелли, ты никому не расскажешь мой секрет? – продолжала она, опустившись рядом со мной на колени и, подняв на меня свои очаровательные глаза, посмотрела на меня таким взглядом, который смягчает любой строгий нрав, даже если у человека есть все в мире права обижаться.

– А секрет того стоит? – поинтересовалась я, уже менее строго.

– Да, и он не даёт мне покоя, я должна всё высказать! Я хочу понять, что мне теперь делать. Сегодня Эдгар Линтон сделал мне предложение выйти за него замуж, и я дала ответ. А теперь, перед тем, как я скажу тебе, было ли это согласие или отказ, ты скажешь мне, каков мой ответ должен был быть.

– И право, мисс Кэтрин, откуда же мне знать? – ответила я. – Если учитывать представление, которое вы в его присутствии устроили сегодня днём, так, ясное дело, ему следовало бы отказать, ибо сделать вам предложение после такой сцены означает, что он, должно быть, либо безнадежно глуп, либо безрассудно храбрый дурак.

– Если ты будешь так говорить, я больше ничего тебе не скажу, – ответила она, с раздражением поднимаясь на ноги. – Я дала согласие, Нелли. Быстрее же, скажи, что я была неправа!

– Вы согласились! Так что ж тут теперь обсуждать? Вы дали слово и не можете взять его назад.

– Но скажи мне, должна ли я была так поступать... Скажи же! – выкрикнула она в раздражении, ломая руки и хмурясь.

– Для того, чтобы разумно ответить на такой вопрос, нужно учесть многие вещи, – заявила я нравоучительно. – Первая и самая главная: любите ли вы мистера Эдгара?

– Да кто ж его не любит? Конечно, люблю, – ответила она.

Тогда я устроила ей настоящий допрос: для двадцатидвухлетней девушки это не было совсем уж неблагоприятно.

– И почему вы его любите, мисс Кэти?

– Глупости! Люблю – и этого достаточно.

– В любом случае, вы должны сказать почему.

– Ну, потому что он красивый, и с ним приятно проводить время.

– Это плохо! – прокомментировала я.

– Ну и потому что он молодой и весёлый.

– Всё равно плохо.

– Потому что он меня любит.

– Это неважно. Что ещё?

– И он будет богат, а мне будет приятно стать самой видной женщиной в округе, и я буду гордиться, что у меня такой муж.

– Хуже всего. А теперь скажите, как вы его любите?

– Как все любят, так и я... Что за глупость, Нелли.

– Вовсе нет. Отвечайте.

– Я люблю землю под его ногами, воздух над его головой и всё, до чего он дотрагивается, и каждое произнесённое им слово. Мне нравится, как он выглядит, как он поступает, я люблю всё это вместе. Ну вот!

– А почему?

– Нет! Ты превращаешь это в шутку – это очень некрасиво с твоей стороны! Для меня это не шутка! – сказала молодая леди нахмурившись и отвернувшись лицом к камину.

– Я вовсе не шучу, мисс Кэтрин, – ответила я. – Вы любите мистера Эдгара, потому что он красив, молод, весел, богат и любит вас. Последнее, кстати, в счёт не идёт: вы, вероятно, любили бы его и без этого, а будь только это, но не имей он предыдущих достоинств, – вы бы его не любили.

– Да, конечно же, не любила бы. Я бы только жалела его... испытывала бы отвращение к нему, если бы он был уродлив и паясничал.

– Но в мире ведь есть и другие красивые и богатые молодые люди, возможно, красивее и богаче, чем он. Что мешает вам полюбить их?

– Если такие и есть, я их не встречала; я не видела ни одного такого, как Эдгар.

– Вы можете ещё встретить; и он необязательно будет красивым и молодым, и может не быть богатым.

– Но Эдгар здесь и сейчас; а я должна иметь дело с тем, что есть сейчас. Мне хочется, чтобы ты говорила рациональные вещи.

– Ну тогда всё решено: если вы должны иметь дело с тем, что есть сейчас, выходите за мистера Линтона.

– Я не нуждаюсь в твоём разрешении... Я выйду за него! Но ты всё же не сказала мне, права ли я.

– Абсолютно правы; если правы люди, которые женятся только ради настоящего. А теперь давайте подумаем, о чём же вы печалитесь. Ваш брат будет рад, престарелые родители Эдгара, думаю, возражать не станут, вы сбежите из неудобного, далёкого от порядка дома в респектабельный; и кроме того, вы любите Эдгара, а Эдгар любит вас. Всё, кажется, просто и легко: так где же препятствие?

– *Здесь! И здесь!* – ответила Кэтрин, ударив себя одной рукой по лбу, а другой по груди. – Там, где живёт душа. В моей душе, в моём сердце, я убеждена, что поступаю неправильно!

– Очень странно! Не могу этого понять.

– Это мой секрет. Но если ты не будешь надо мной смеяться, я тебе объясню. Я не могу чётко это осознать, но я расскажу тебе, что я чувствую.

Она снова села рядом со мной; выражение её лица стало печальнее и мрачнее, а сжатые руки задрожали.

– Нелли, тебе когда-нибудь снились странные сны? – после минутного раздумья внезапно сказала она.

– Да, время от времени, – ответила я.

– Вот и мне тоже. Мне снились в жизни сны, которые навсегда остаются со мной и меняют ход моих мыслей; они снова и снова проходят через меня, как вино через воду, и меняют краски в моём сознании. И вот один из них: я собираюсь его тебе рассказать, но ты уж последи за собой и ни за что не улыбайся.

– О, нет, мисс Кэтрин, – воскликнула я. – У нас и так всё достаточно мрачно, чтобы ещё вызывать призраков и привидения, которые нас совсем собьют с толку. Давайте же, развеселитесь, придите в себя! Посмотрите на маленького Гэртон! Ему не снится ничего страшного. Как сладко он улыбается во сне!

– Ну да! И как сладко его отец рассыпает проклятия в своём уединении! Ты же помнишь его, скажем, в ту пору, когда он был совсем другим, с такими же толстыми щёчками, почти

таким же маленьким и невинным. И всё же, Нелли, ты должна меня выслушать. Это недолго, а веселиться сегодня я не в силах.

– Не буду я это слушать, не буду! – поспешно повторяла я.

Я была тогда суеверной в отношении снов, да и сейчас такой осталась, а в Кэтрин чувствовала какая-то мрачность, которая могла привести меня к чему-нибудь страшному, обратившемуся в пророчество и в предвидение ужасной катастрофы. Она расстроилась, но продолжать не стала; переключилась на другое, но через короткое время вернулась к прежнему.

– Если бы я была на небесах, Нелли, то стала бы там бесконечно несчастной.

– Потому что вам там быть не положено, – ответила я. – Все грешники были бы несчастны на небесах.

– Совсем не поэтому. Мне как-то приснилось, что я там была.

– Я же сказала, что не буду слушать про ваши сны, мисс Кэтрин! Я пошла спать, – вновь прервала я её.

Она засмеялась и удержала меня, так как я уже попыталась подняться со стула.

– Да ничего такого, – крикнула она. – Я только собиралась сказать, что небеса, кажется, не стали моим домом; сердце моё было разбито, и я всё время рыдала, и хотела вернуться на землю; и ангелы так разозлились, что сбросили меня прямо на середину вересковой пустоши, на вершину на Грозном Перевале, где я и проснулась, плача от радости. И этого достаточно, чтобы объяснить мой секрет, да и всё остальное. Не моё это дело выходить замуж за Эдгара Линтона, равно как и то, чтобы быть на небесах. И если бы этот злодей не унижил Хитклиффа до такой степени, я бы об этом даже не помышляла. А теперь выйти за Хитклиффа для меня всё равно что деградировать, и поэтому он никогда не узнает, как я люблю его; и люблю я его не потому, что он красив, Нелли, а потому что он больше, чем я сама. Из чего бы ни были сделаны наши души, его и моя – мы одно; а Линтон отличается от нас, как свет луны от молнии, как мороз от огня.

Прежде чем эта речь закончилась, я почувствовала, что Хитклифф здесь. Заметив какое-то движение, я повернулась и увидела, что он поднялся из-за скамьи и бесшумно вышел. Он слушал до тех пор, как Кэтрин сказала, что выйти за него замуж означало бы для неё деградировать, и дальше не стал дослушивать. Моей рассказчице, сидевшей на полу, помешала заметить его присутствие спинка скамьи, но я вздрогнула и сделала ей знак замолчать.

– Почему? – спросила она, нервно оглядываясь.

– Здесь Джозеф, – ответила я, на удачу уловив звук колёс его телеги на дороге. – И Хитклифф с ним придёт. Не уверена, что он и сейчас уже не у дверей.

– Ох, но он же не мог услышать меня из-за двери! – сказала она. – Дай мне Гэртона, пока ты будешь готовить ужин, а когда он будет готов, позови меня поужинать с вами. Хочу обмануть свою безутешную совесть и убедиться, что Хитклифф ничего не знает обо всём этом. Он же не знает, правда? Он ведь не знает, что это такое – быть влюблённым!

– Не вижу причин, почему это он не должен об этом знать так же, как и вы, – возразила я. – А если его выбор пал на вас, то он будет самым несчастным человеком, когда-либо родившимся на свет! Как только вы станете миссис Линтон, он потеряет и друга, и любовь, – сразу всё! Вы подумали о том, как перенесёте такую разлуку с ним, и как вынесет это он, когда окажется совсем одиноким в целом мире? Потому что, мисс Кэтрин...

– Совсем одиноким! Мы разлучимся! – воскликнула она с негодованием. Кто это нас разлучит, скажи на милость? Тех, кто посмеет, постигнет судьба Милона!⁸ Пока я жива, этого не случится, Эллен! Я не расстанусь с ним ради кого бы то ни было. От всех линтонов на

⁸ Речь идёт о Милоне Кротонском, древнегреческом борце, неоднократном победителе олимпиад, которого погубила самоуверенность. Он засунул руку в расщеплённое дерево, надеясь его разорвать. Но клинья вылетели, а рука застряла, и оказавшегося беспомощным борца съели дикие звери.

свете не останется и следа, прежде чем я соглашусь покинуть Хитклиффа. О, это не то, к чему я стремлюсь, – не это я имела в виду! Если требуется заплатить такую цену, я не стану миссис Линтон! Хитклифф будет со мной столько, сколько продлится его жизнь. Эдгар должен избавиться от своей неприязни и относиться к нему, по крайней мере, с терпимостью. Нелли, теперь я понимаю, что ты считаешь меня эгоистичной мерзавкой, а не приходило ли тебе в голову, что, если бы мы с Хитклиффом поженились, то стали бы нищими? Тогда как выйдя замуж за Линтона, я смогу помочь Хитклиффу подняться и вытащить его из-под власти моего брата.

– На деньги своего супруга, мисс Кэтрин? – спросила я. – Он не будет столь уступчивым, как вы рассчитываете. Конечно, не мне судить, но, по-моему, это самый плохой довод, который вы привели в пользу вашего брака с молодым Линтоном.

– Вовсе нет, – возразила она. – Это лучший довод! Остальные были ради удовлетворения моих капризов, а также ради Эдгара, чтобы удовлетворить его. А этот – ради того, кто понимает мои чувства к Эдгару и меня саму. Я не могу это выразить, но, несомненно, и у тебя, и у каждого есть такое чувство, что его собственное существование выходит за его пределы. Какая польза от моего сотворения, если я вся состою именно в том, что здесь? Мои самые большие беды в этом мире были бедами Хитклиффа, и я всё это наблюдала и чувствовала с самого начала; моя главная мысль о жизни заключена в нём. Если всё остальное погибнет, а *он* останется, то и я продолжу своё существование; но если всё останется, а он будет уничтожен, вселенная превратится в чуждый мне мир: я перестану быть его частью. Моя любовь к Линтону, как листва в лесу: время её изменит, как зима меняет деревья, и я это прекрасно понимаю. Моя же любовь к Хитклиффу напоминает основы вечных скал: источник, который с виду даёт мало радости, но который необходим. Нелли, я – это Хитклифф! Он всегда, всегда в моём сознании: не как отрада – да и я сама для себя не всегда отрада, – а как само моё существование. Поэтому не говори больше о том, что мы расстанемся. Это невозможно и...

Она остановилась и спрятала лицо в складках моего платья, но я с силой его отдернула. Меня выводило из терпения её безрассудство!

– Если я и смогла уловить хоть какой-то смысл во всей этой галиматье, мисс, – сказала я, – то он привёл меня к убеждению, что вы либо не представляете, какие обязательства накладывает на вас согласие вступить в брак, либо вы злая и безнравственная девица. И больше не беспокойте меня со своими секретами: я не обещаю хранить их в тайне.

– Но этот-то сохранишь? – с горячностью спросила она.

– Нет, не обещаю, – повторила я.

Она собралась было настаивать, но, когда появление Джозефа прервало наш разговор, Кэтрин отодвинула свой стул в угол и принялась нянчить Гэртона, пока я готовила ужин. Когда всё было готово, мы начали спорить с другой служанкой, кто понесёт ужин мистеру Хиндли, и так и не смогли договориться, пока ужин не остыл. Потом между нами было достигнуто соглашение, что мы спросим его, хочет ли он ужинать, так как мы особенно боялись встретиться с ним после того, как он провёл время в одиночестве.

– И чё-то этот тупица не пришёл с поля? Пора уж. Где он шляется? Нет на него управы! – ворчал Джозеф, разыскивая Хитклиффа.

– Я его позову, – ответила я. – Наверняка он в сарае.

Я вышла и позвала, но ответа не последовало. Вернувшись, я прошептала Кэтрин, что он, вне сомнения, слышал большую часть её рассказа и что я видела, как он вышел из кухни, когда она сетовала на то, как её брат с ним обращается. Она вскочила, ужасно испугавшись, бросила Гэртон на скамью и сама побежала разыскивать своего друга. Она не стала раздумывать, почему так встревожена и как её рассказ мог на него повлиять.

Кэтрин так долго не было, что Джозеф предложил больше её не ждать. Он пришёл к хитрому заключению, что они задержались, дабы не выслушивать его пространных благосло-

вений. Они «такие плохие, что от них и не того дождёшься», – заверил он. По этому поводу он в тот вечер прочитал ещё одну молитву, вдобавок к обычной пятнадцатиминутной молитве перед едой, да и ещё одну прилепил бы после слов благодарности, не ворвись в этот момент в дом его хозяйка со срочным для него приказанием бежать на дорогу и, куда бы Хитклифф не забрёл, отыскать его и вернуть обратно!

– Я хочу с ним поговорить, и я *должна* это сделать, прежде чем уйду к себе, – сказала она. – И ворота открыты, но он где-то далеко, где не слышно, потому что он не отвечал, хоть я и звала его с крыши загоня так громко, как только могла.

Поначалу Джозеф возражал, но она настроена была слишком серьёзно, чтобы принимать его возражения, так что он в конце концов нахлобучил свою шапку на голову и, ворча, отправился на поиски. Кэтрин между тем, расхаживая туда-сюда по комнате, восклицала:

– Не могу понять, где это он... И где он *может* быть? Что я такого сказала, Нелли? Я уже забыла. Он обиделся, что я так дурно пошутила сегодня днём? Боже! Скажи мне, что я такое сказала, чтобы так его огорчить? Я хочу, чтобы он пришёл. Я так этого хочу!

– И из-за чего такой шум! – воскликнула я, хотя и самой мне было не по себе. – Вы испугались из-за пустяка! Разве же это причина для такой тревоги, если Хитклифф решил прогуляться под луной на пустоши или даже лежит где-нибудь мрачный на сеновале и не хочет с нами разговаривать. Пойду посмотрю там. Вот увидите, я его разыщу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.